

ГЛАВА 1. ОДИН ДЕНЬ АЛЕКСЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА

“Подъем!” прозвучало очень жестко и выбило Алексея из дрёмы, из единственного убежища от суровой действительности за решетками исправительной колонии. Политический заключенный номер один ощущал на себе повышенное внимание администрации после того, как лично запустил механизм политической весны, чтобы потом ощутить русскую политическую зиму на собственной шкуре.

Алексей проснулся, сбросил с себя однослойное одеяло и начал одеваться в унисон с 20 другими арестантами из его секции. Оставалось лишь 5 минут,

чтобы одеться и выйти на зарядку. В его отряде все выходили на утреннюю физкультуру, и вариантов откосить было немного. Можно было скрыться в закрытой комнате, в которой происходил ремонт, но в этот раз она оказалась под замком, и пришлось выйти на мороз.

Энергичная музыка, гимн какого-то футбольного клуба, и голос диктора чеканил железные “раз-два-три-четыре”, иногда сменяясь на названия упражнений. Зарядка занимала около 5 минут, эти пять минут на таком морозе вынимали из объятий Морфея сильнее, чем чашка “Нескафе Классик”.

Конечно, быт и рутина в таких условиях многих сделают нервными, но у Алексея был секрет. У него был собственный дракон Баландарион, который вылупился из яйца, подаренного ему на аудиенции с представителями монарших семей Романовской России. Многие знали, что принцессе тасии удалось избежать кары большевистских палачей. Но немногие знали, что Российская монархия за прошедший век окрепла духом и вынашивала план триумфального возвращения.

План “Феникс” состоял в призвании драконов как символа монаршей власти. С помощью драконов Романовы хотели начать новый период в истории России. Российская Драконья Империя должна была

появиться после эпохи потрясений, и именно для этого Алексей прибыл в Берлин.

Закончив зарядку, Алексей поднялся на третий этаж барака в свой отряд, умылся, почистил зубы. Он посмотрел на часы, до завтрака оставалось 15 минут. Эти 15 минут, если повезет, можно потратить на то, чтобы заварить Нескафе Классик. Он был лучшим баристой в этом заведении, кроме того, нескафе пробуждал в нем драконы навыки.

Мало кто догадывался о том, что в ИК-11 были драконы и оператор драконов – это оставалось под завесой монаршей тайны, обета, который Алексей дал в Берлине. Дракон Баландарион появился из яйца, дарованного ему монаршой особой. Долгое время Алексей оберегал это яйцо, дожинаясь, когда оно вылупится. Но после возвращения в Москву и ареста оно оставалось на воле. Лишь с третьей попытки удалось передать ему драконье яйцо в виде обычного вареного куриного в очередной передачке.

В СИЗО Алексей соорудил гнездо для драконьего яйца, подкладывая слева и справа хлебные мякиши. Сухари в дальнейшем шли в корм маленькому дракончику, который появился на свет спустя 4 недели.

Сначала Алексей и сокамерники не знали, как быть с дракончиком, что делать, чтобы он не “отлетел” при

очередной проверке. К счастью, Баландарион тогда был совсем крохотным и помещался в плафон настенной лампы. В СИЗО никогда не выключали мощную 60-ваттную лампу освещения, и Баландарион любил греться на ней. Казалось, что он черпает силы не только из баланда, которой его кормили, но и из тепла света.

Баландарион рос очень быстро. Уже через месяц он весил 3 килограмма и мог летать. Через полтора месяца он начал проявлять огненное дыхание к несказанной радости сокамерников Алексея, которые с удовольствием подкуривали сигареты от его огня.

Баландарион мог проскальзывать сквозь решетку окна камеры Алексея и воссоединяться с ним в прогулочном дворике. Такие прогулки продолжались 3 месяца, пока не грянуло время этапа, и Алексея отправили в Покров.

Алексею удалось занять хорошее место в очереди к чайнику и заварить кружку Нескафе Классик. Этот кофе пробуждал в Алексее Драконье Чутье. Он чувствовал все гораздо острее и соображал быстрее, подобно своему дракону. Драконы операторы имели интуитивную связь со своими драконами, как бы думая об одном. Конечно, речи не шло ни о какой телепатии, а скорее об эмоциональной когерентности со своим драконом. Кроме того, стоило Алексею

позвать Баландариона, и он бы откликнулся в течение 30 секунд.

Условием передачи Дракона Романовых Алексею была его полная секретность. Алексей не должен был показывать дракона никому, кроме своего близкого круга, Ордена Драконавальнистов. Дракон должен был вырасти до своего взрослого состояния и явить себя Прекрасной России Будущего.

Драконы никогда не переставали расти. Баландарион днем отдыхал в подсобных помещениях промышленной зоны, рядом с котлом отопления, черпая нужную ему энергию. Арестанты удивлялись, почему в бараках стало холоднее относительно прошлого года, ведь в этом году нормы угля повысили. Лишь немногие знали о том, что Баландарион должен был поглощать тепло для того, чтобы его извергать.

Отряд выстроился во внутреннем дворике, и когда ворота локальной зоны открылись, зашагал к столовой. Завтрак нельзя было пропускать, потому что в том месяце запасы провианта подходили к концу. Баландарион слопал все шоколадки и дошираки и весил уже 50 килограммов. Взрослый дракон, которого можно оседлать, весит тонну, но для этого нужна еда. Баландарион должен был налегать на баланду для того, чтобы вырасти и спасти русских демократов.

Будущее Прекрасной Монаршей Драконьей России Будущего зависело от баланды.

В этот раз давали макароны. Алексей переложил утреннюю порцию макарон в контейнер, также как и 5 посвященных в его секцию. Строго говоря, выносить еду из столовой было запрещено, поэтому Алексей рисковал. Рисковал быть замеченным охранкой и выдать Драконью Тайну.

Вернувшись в отряд, у Алексея оставалось лишь 10 минут, чтобы покормить Баландариона и собраться на работу в швейный цех, где Алексей трудился за машинкой. Алексей подошел к окну в самый конец коридора и позвал дракона: “Баландариоон”. Дракон спикировал откуда-то с крыши барака и приземлился на подоконнике. Баландарион с большим рвением принялся за макароны, как это делают кошки, когда слышат запах вкусной еды.

“Дружище, ешь быстрей и прячься. Встретимся на промышленной зоне”. Баландарион замахал крыльями и улетел на крышу барака.

* * *

Наталья Павловна сидела “на камерах”, когда Баландарион пролетел мимо одной из них. Он был

еще небольшим драконом, но уже размером с большую собаку, и вид летающего змея не оставил бы никого равнодушным. Но Баландарион был черного цвета, а в это время года рассветало лишь через 2 часа, поэтому пролет дракона над колонией остался без внимания служительницы закона. Но все-таки он мелькнул небольшим силуэтом, и этот силуэт, похожий на логотип Мортал Комбат, остался на пленке.

Чтобы оставаться здравым в таких условиях, как колония, надо занимать свою голову чем-то существенным и важным. Конечно, контакт с Династией Романовых и Драконы придавали важность существованию Алексея, но никогда прежде в истории России не было драконов. И вообще драконов в известной истории человечества не было, они были лишь в мифах. Эта странность разрешалась тем, что драконы решили оставить человечество без своего присутствия на заре истории, посчитав, что их силы могут лишить человечество смысла. Драконы доминировали в любых войнах, лишался смысла труд первооткрывателей и путешественников, потому что верхом на драконе можно было прилететь в любую точку планеты.

Алексей находился в странном ментальном состоянии. Часть времени он думал о драконах, а часть

о современной политике России. Монархисты придали ему новых смыслов, и все это надо было держать в голове и связать, находя взаимное усиление смыслов и устранивая противоречия.

Алексей много читал. Сейчас его настольной книгой была “Война и Мир” Толстого, которую Алексей читал как сериал. Небольшие главы на 3-5 страниц идеально подходили для чтения в таких местах, где время – это особо ограниченный и ценный ресурс, который не стоит тратить в пустоту.

Толстой писал о роли личности в истории и об Истории, которая создавала личности. Это было иронично, так как с ним История сыграла ироничную шутку, впервые в истории человечества открыв ему дракона. В школе Алексей не очень любил историю, но кредитная история Алексея была чиста. Великая Река Человеческой истории за это одарила его возможностью восстановить Российскую Монархию, вернуть Романовых и заявить о себе как об Алексее Драконовальном.

“На работу!” - послышался голос в коридоре. Это был сигнал, который подавали каждый день, в одно и то же время. Отряд собрался в локальной зоне отряда и зашагал по “взлетке” колонии – главной “площади”, соединяющей корпуса и бараки.

Было холодно, и стоять на морозе, ожидая, когда назовут его имя, Алексею не хотелось. За спиной стоял храм колонии, построенный около десяти лет назад, и можно было зайти в него. Так делали некоторые, но в этот раз очередь Алексея пришла одной из первых. Это было большое везение, потому что до начала работы он выиграл немного времени, минут двадцать, пока все соберутся за машинками и в цеху появится свет. Эти двадцать минут Алексей хотел потратить на Баландариона, с пользой утилизировав каждое свободное мгновение.

Алексей прошел через проходную и попал во внутренний дворик промышленной зоны. Слева – деревообрабатывающий цех, а справа “теплый” цех швейной мастерской. Не то чтобы он был действительно теплым, потому что как такового отопления в нем была одна лишь труба из бойлерной, но зато это было крытое помещение, в отличие от деревообработки. Алексей считал, что ему очень повезло, и он попал работать в швейный цех, ведь в “дереве” нужно было целый день проводить почти что на улице и физически распиливать доски. Конечно, и там было хорошее местечко, мебельный цех с современными станками, и в этом цеху, когда было время, Алексей проводил время. Интересно было наблюдать за процессом изготовления бюджетных

кухонь, как раз той же модели, которая была в его двушке в Марьино.

Алексей прошел направо в швейный цех, поднялся на второй этаж, зашел в туалет и умылся холодной водой. Кто-то выцарапал на стене туалета “Time Defines the Mission, Snake”. Странное изречение. Умывшись, Алексей подошел к своей швейной машинке и открыл выдвижной ящик стола, в котором он нашупал ключ. Этот ключ открывал законсервированное помещение в другой части цеха, в том же здании, но напротив. Вероятно, когда-то промышленная зона проектировалась с бо́льшим размахом, хотя это казалось странным. В колонии при тысяче постояльцев почти все выходили на работу, но при этом множество помещений промышленной зоны были законсервированы. Алексей как-то нашел ключ от этого помещения в своей прикроватной тумбочке и отрисованный от руки план, совсем как в видеоигре. Записка была подписана “Semper Fi”. Алексей не знал что такое или кто такой “Semper Fi”, наверное какой-то благожелатель, радеющий за судьбу Драконьей России Будущего. Драконьей России – Драконовские законы. Оставалось пятнадцать минут до начала работы, и Алексей проследовал в своё тайное место. Он называл его Драконьей Ложей, местом, в котором варилось будущее реконструированной монархии. Проследив,

чтобы за ним никто не следовал, Алексей отворил дверь и зашел в Обиталище Драконов.

Черепица в этом помещении была слабовата, и Алексей ранее проделал отверстие в крыше, как раз того же размера, что и его дракон Баландарион. Баландарион рос, и отверстие приходилось увеличивать время от времени. Наверное, когда-нибудь всю крышу пришлось бы разобрать, но об этом Алексей не думал. В Обиталище драконов было пыльновато, холодновато, и не было света, поэтому полезно оно было лишь во время светового дня. Алексей устроил ложе дракона, в котором Баландарион мог бы высыпаться. Удалось найти и какую-то мебель: старый полу живой шкаф и столешницу от швейной машины.

“Баландарион, сегодня наша задача попытаться добыть еды, качественной еды”. Кормить дракона кашей было бы кощунством, нужно было мясо, а мяса и так не хватало. Баландарион был смышленым драконом, впрочем, как и все драконы. В промышленной зоне было производство засола капусты и развода сокосодержащих порошков в напитки, идентичные сокосодержащим, и иногда Баландарион мог полакомиться. К несчастью, это было не часто, так как пропажу сока и капусты быстро бы обнаружили, что сулило лишними проблемами всем.

В круг Драконавальнистов входило несколько человек, которые пользовались преимуществами своего статуса. Баландарион мог летать и, конечно же, вылетал за пределы колонии. Иногда он возвращался с сумкой сигарет и чая, но это было редким явлением. Драконовские передачи были редкими оттого, что драконавальные были людьми без особой поддержки, и находить средства на покупку сигарет и чая удавалось не часто. Обычно это были средства матерей-старушек, ждущих своих сынов.

Баландарион понял: “хочешь жить – умей вертеться”, и начал охоту. Рядом с колонией была свиноферма, но поросыта были не по зубам дракону, но придёт день, и он сможет одолеть поросенка. Драконавальнисты очень ждали этого момента, потому что им хотелось порадовать и себя шашлычком. Без сомнения, Баландарион бы приносил им свежие тушки поросят.

В дверь постучались. Алексей осторожно открыл дверь, ведь знал, что три стука, пауза, три стука означало, что это свои. Два стука, пауза, два стука значило, что на промышленной зоне Гражданин Начальник и надо было вернуться к работе, изображая бурную швейную деятельность.

В Драконью Ложу вошли Леха Синицын и Серега Андроид, названный так за то, что был программистом

андроид-приложений. Время для планерки. Как у любой серьезной организации, Драконья Ложа обзавелась своими процессами и бюрократией.

“Планерка, - начал Алексей. - Как вы все знаете, мы голодаляем. Мяса почти нет, и мы питаемся картошкой с капустой. На этой баланде никуда не уедешь и не улетишь, а чтобы улететь, нам надо вырастить Баландариона до нормальных драконьих размеров. Надо что-то думать”.

Леха Синицын недоедал, как и все тут. Норма питания была одинакова для всех, но Леха по комплекции был не из малых, и норма питания для него была особым вопросом. Повестка дня была как никогда актуальна для него.

“Но светлое будущее совсем близко, - продолжал Алексей. - Мой адвокат сказал мне, что рядом с нашей колонией есть свиноферма, а значит свинюшки и поросыта. Если мы сумеем наладить канал поставок поросятины по воздуху в швейный цех, мы будем настоящими мясными магнатаами. Но прежде всего мы наконец-то поедим вкусного шашлыка. Мы сможем думать полной мыслью и забыть о голодном тумане”.

“У меня есть идея”, - сказал Лёха Синицын. – “У меня есть человек, который работает в пекерне. Надежный человек. Он поможет с хлебом.”

Идея заключалась в том чтобы получать двесят буханок хлеба в день на драконы нужды, и это было насоящей надеждой. “Борись за Драконье будущее” раздлось в мыслях Алексей.

– “Ну что же, давайте новые люди нам не помешают” – сказал Алексей. “Но вы оба уверены что он надежный человек?” Конечно, открывать правду о драконах новым людям было большим риском, но в случае чего кто-же поверит рассказу человека о драконах? Подумают что рассказывает сказки в люочшем лучае, а в худшем запишут в истории болезни диагноз “конфабуляции”. В драконьей ложе нужно было поручительство двух человек, но в крайнем случае было достаточно и одного.

– “Сначала я с ним пообщаюсь, выясню его политические взгляды и политологическую подкованность, и если все хорошо нас станет на одного больше. Ты можешь меня с ним познакомить”

– “Я постараюсь, может мы пообщаемся после вечерней проверки?”

Время планерки заканчивалось и нужно было выходить в цех.

Все подошли с своим машинкам. Из кладовки слышалось бурное обсуждением чего-то, ведь там был чайник, и можно было попить чая. Алексей чай не любил, тем более он успел выпить кофе с утра, поэтому

время проведенное на драконьей планерке для него имело большую ценность.

В дверях появился начальник смены. «Сегодня шёём скатерти. У нас крупный заказ из Fix Price», — сказал он. Начальник стал объяснять задание, но Алексею было мало интересно. Более всего его заботило состояние стульев, которые по трудовому кодексу не соответствовали нормам, а также температура в цеху, которая в лютые морозы опускалась до нулевой. Он подумал, что первоочередной задачей драконьей России будущего будет улучшение условий труда. В летопись этот период войдёт как «Буря Стульев», потому что Алексей уже вынашивал план по созданию драконьего профсоюза, который бы тайно поменял стулья и улучшил освещение в цеху.

Алексей сел за швейную машинку. Начался рабочий день, и следующие 9 часов с часовым перерывом на обед Алексею придется провести за швейной машинкой в компании своих мыслей. В швейном цеху почти всегда находился начальник производства, сотрудник колонии, ответственный за производство, и бригадир. Когда сотрудник колонии удалялся, атмосфера слегка разряжалась, и можно было встать со своего рабочего места, набрать кипятка из чайника и заварить свой напиток. К счастью, у

Алексея с собой был пакетик Нескафе Классик, пробуждающего драконье чутье. С кофе он мог думать о будущем монархии в России, ее настоящем и прошлом.

Но иногда фантасмагоричные мысли о будущем его страны перебивали прочитанные им книги об эпохе ГУЛАГа, о сталинских репрессиях и великом горе русского, чеченского, калмыцкого и других народов, устроенном главным Усачом XX века. Алексей подумал, а что если драконы были в истории России и ранее? Что если наша история – это лишь попытка нормализировать драконьи эпизоды, скрыть от людей существование драконов? Что если драконы являлись к симпатизаторам старого режима в первые декады после революции, и что если НКВД расшифровывалось как Народный Комиссариат Выявления Драконов? Такая фабула была бы очень логичной, потому что Алексей не был посвящен в глубины неофициальной истории, придерживаясь “официальной” диссидентской линии.

Но что если были и другие диссиденты? Что если драконы были частью истории России и ранее, что если это и есть величайшая тайна монархии? Как бы это ни было, монархии в России не было уже более ста лет. Монархия теряла свои позиции и в соседней Европе, сохраняя за собой лишь презентативную

функцию. Наверное, старейшие роды Европы устали от этого положения. Наверное, пришло время царской контрреволюции, наверное, пришло время драконов.

* * *

Алексей вставил катушку с нитками в швейную машину, вмонтировал новую иглу, проверил все механизмы и принялся за работу. Алексей шил скатерти для ФиксПрайс, которые, впрочем, почему-то никто не забирал со склада уже более месяца. Машина FixPrice не приезжала, все ждали перезаключения контракта. Но отсутствие контракта не является поводом для отмены работ. В этой колонии работали все, кроме инвалидов, но Алексей не стремился вписаться в их число. Кроме того, работа позволяла включить голову. За равномерным и гипнотизирующим стуком иглы швейной машины Алексею приходили мысли, которых нельзя было дождаться, сидя в отряде. Были и преграды. Алексею мешал старый деревянный шатающийся стул, плохое освещение и отсутствие кулера с водой.

Игла швейной машины начала свой ход, и Алексей уже вышил 41 скатерть, прежде чем сотрудник колонии покинул швейный цех. Цех был открытым

помещением, подобным опен-спейсу, в котором было 5 рядов швейных машинок по 8 в каждом ряду. Похоже на офис айтишников. В цеху играло Лав-Радио, которое транслировало электронную популярную музыку, иногда прерываемую новостями. В этот раз новостью была заметка о преодолении биткоином отметки в 50 тысяч долларов. Алексей подумал о том, как разбогатели крипто-энтузиасты, вложившиеся в монету, когда она стоила 100 долларов. Сейчас, наверное, они отдыхали на пляжах Таиланда, Фукуоки, если там и радовались райской жизни. Чудовищный контраст с тем, где Алексей ощущал себя сейчас.

Сотрудник колонии покинул промышленную зону, кто-то прокричал из коридора. Бригадир удалился на склад, а значит, настало свободное, наше, драконье время. Алексей встал из-за машинки и проследовал в локальную зону промышленной зоны. До обеда оставался час, поэтому его нахождение там было нежелательным и сопряжено с рисками. Путь Алексея лежал на хлебопекарню, соседний с швейным цехом. Алексей вышел на первый этаж и на лестнице встретил Олега Кручину, который жил в его секции. Олег что-то говорил о том, что жалеет, что не попал на хлебное производство, в то время как его знакомый успел спохватиться.

– “Олег, это самое, а не проведешь меня в хлебный цех? У меня скоро день рождения, и я бы хотел договориться о пироге”.

Олег не стал отрицать, но и помогать главному политзаключенному России, 24 часа в сутки находящемуся под пристальным вниманием государства, он не мог. Это бы отразилось на его статусе, открыто говорить с Алексеем не решался никто. Многие симпатизировали, но знали, что это риски.

Олег покосился в сторону двери в коридоре первого этажа, уходившего в канцелярский цех, где kleили папки и другие канцелярские товары. В этом цеху было немногого человек, может быть 10. Он напоминал какой-то подпольный клуб или бар. В нем был приглушенный свет, играло какое-то другое радио с рок-музыкой, и сотрудники колонии не обращали на него особого внимания.

Алексей прошел в дверь, которая предшествовала этому цеху. Ранее он и не обращал внимания, что эта дверь там есть, она как бы скрывалась от его взора. Он открыл дверь и прошел дальше по коридору. Оказалось, что был проход в хлебный цех, проход, неизвестный никому.

Алексей вошел в хлебный цех. - “Привет.” В хлебном цеху был лишь один человек <Описание

внешности хлебопекаря>. -

Алексей продолжил. - “Привет. У меня к тебе дело.”

Алексея тут знали все, и иметь с ним дело было риском. Лишь идеальные симпатизирующие могли говорить с ним, но многие из них были провокаторами. Алексей рисковал, пытаясь пригласить в Драконью Ложу нового человека, но Баландарион стоял на первом плане.

- “У меня к тебе дело. Надеюсь на твою сознательность. У меня скоро день рождения...” - Алексею что-то подсказывало, что хлебопекарь свой человек. То ли его взгляд, то ли запах свежего хлеба убрали все сомнения.

Хлебопекарь подошел к Алексею на близкое расстояние, пристально, но мимолетно посмотрел в его глаза. - “Тебе нужен торт? Ты от кого?”

- “Хм, ты видишь издалека. Да, у меня скоро день рождения, и...”
- “Хозяин!” послышалось из коридора. Это значило, что заключенные из окна увидели, как начальник колонии Пал Палыч идет из жилой в промышленную зону. Надо было вернуться на свои места и начать изображать бурную деятельность.

- “Поговорим вечером, в жилой зоне”, – сказал хлебопекарь, а Алексей быстрым шагом зашагал обратно на свое рабочее место.

Атмосфера в швейном цеху накалялась, драконье чутье Алексея обострилось, он стал четче видеть, цвета стали как будто бы ярче, а реакция быстрее. Почти как в любимом фильме Алексея “Веном”. Лишний раз попадаться на глаза начальнику колонии Алексею не хотелось, он знал, что Пал Палыч получает указания из Кремля о том, что делать с Алексеем. Пал Палыч просто так не приходил в швейный цех, обычно это означало, что кто-то попался.

Начальник колонии вошел в цех и зычным голосом объявил:

- “Граждане арестанты! Я работаю в системе уже 30 лет. При моем управлении ни одно учреждение не было черным. В лучшем случае серым. Я не позволю мобильных телефонов! Кто попадется с телефоном, поедет в ШИЗО.”

Днем ранее Алексей слышал о том, что несколько человек из его отряда попались с мобильниками. Сам Алексей считал сотовую связь провокацией. Неужели ему, политическому заключенному номер 1, кто-то даст позвонить по телефону, настоящему, без

прослушки? Вероятность провокации была большой, он знал, что все попытки говорить о сотовой связи были провокациями. В лучшем случае его бы поймали с телефоном, а в худшем записали бы его переговоры и вменили бы в какой-нибудь новой статье.

Пал Палыч издалека казался добрым малым. Конечно, работа в системе откладывала свой отпечаток, но некоторые сохраняли человечность. Начальники колоний видели в своих подопечных, не всегда, но видели людей, оторванных от свободы. Эта была колония впервые совершивших нетяжелые преступления, и Алексей видел, как в общем-то нормально живется некоторым из них, над которыми не висел дамоклов меч бунтарей или государственных преступников. Алексей знал, что для него все поблажки лишь реклама, а когда он решится воспользоваться ими, волос, удерживающий дамоклов меч, порвется. Или нет...

* * *

Начальник колонии завершил свою речь и вышел из цеха. Алексей выдохнул с облегчением. Еще 12 минут, и начнется обед. Атмосфера в швейном цеху перестала быть накаленной. Пронесло в этот раз. По

радио заиграл какой-то трек Лав-Радио, “Let’s Get Down to Business” Дэвида Гетты. Алексей подумал, что пора возвращаться к своему бизнесу.

В данный момент бизнес Алексея заключался в том, чтобы дойти до столовой и попытаться набрать какой-то еды для Баландриона. Отряд выстроился в локальной зоне швейного цеха, но калитка еще была закрыта на ключ. В локальной зоне запахло табачным дымом, но Алексей не курил. Стояла странная погода: еще неделю назад морозило до минус двадцати, а сейчас градусник показывал ноль. В такую погоду не очень большой аппетит, как заметил Алексей, вкуснее в морозы. В таких условиях, когда еда однообразна, приходится находить какие-то дополнительные модификаторы, чтобы почувствовать разнообразие в пище. Алексей, например, заметил, что температура на улице сильно влияет на качество еды, и в сильные морозы еда кажется ресторанной. Да, ресторанные тушеная капуста с картошкой, а когда еда качественнее, то и драконы силы ощущаются остree.

К локальной зоне подошел начальник швейного производства и открыл ворота, отряд стал выходить во внутреннюю площадь промышленной зоны и следовать в столовую. Алексей последовал со всеми в столовую, но что-то отвлекло его внимание. Он посмотрел на серое зимнее небо и увидел, как

Баландарион пролетел над деревообрабатывающим цехом среди белого дня. Это было опасно — явить себя людям, не видевшим драконов веками, нельзя было допустить, и драконы знали это. В них было внутреннее чувство скрытности, драконы знали, что нельзя, ни в коем случае нельзя привлекать внимание. Алексей тоже знал по своему прошлому, что однажды привлекнув чье-то внимание, в его случае правоохранительных органов, человек как бы подсвечивается в их глазах. Он замечал, что, возвращаясь с митингов, полицейские почему-то останавливали его и на дальних станциях метро, хотя он не выделялся из толпы. Не шел слишком быстро, не носил ничего цветного, но каким-то образом это происходило. Алексей прикладывал много усилий, чтобы научить Баландариона искусству политической скрытности.

Баландарион уселся на крышу деревообрабатывающего цеха незамеченным. Он чуял время обеда и надеялся полакомиться, хотя обедки он не ел. Драконы нуждались в свежей хорошей еде, желательно ресторанной. Но в данном случае и свежая баланда бы подошла.

Алексей занял очередь в столовую, которая обслуживала всю промышленную зону. Еду в столовую привозили на телеге в больших бочонках. “Вот бы

получить целый бочонок для Баландриона”, — подумал Алексей.

Давали рыбный суп, сосиску и перловую крупу с киселем. Странно, но мясные изделия почему-то не уплетали за обе щёки, и Алексею удалось собрать несколько отказных. Пять сосисок и булка хлеба для дракона были хоть каким-то подспорьем, по крайней мере пока он не научится охотиться за мелкими животными и птицами в местной лесополосе.

— “Закончить приём пищи!” — объявил сотрудник колонии. Отряд выстроился около промышленной столовой и зашагал в швейный цех. Алексей допил кисель и вышел из столовой, спрятав сосиски и хлеб в карман куртки.

Алексей вернулся в отряд, за швейную машинку. Оставалось 15 минут до окончания обеда, и Алексей подумал, что надо бы использовать их для юридической работы. У всякого хорошего юриста есть собственная печать, и Алексей подумал, что неплохо бы и ему иметь печать с драконом. И он как раз знал такого мастера, который мог изготовить любую фигуру из хлеба. Хм, фамильный герб с драконом — а это хорошая идея.

Алексей убрал хлеб в стол и пошел с сосисками в кармане в Драконью Ложу. Он открыл дверь, зашел внутрь и запер ее с обратной стороны. Положив

сосиски на стол, он свистнул, и Баландарион прилетел, протиснулся в щель в потолке, слегка испачкавшись побелкой, и сел на стол. Алексей смахнул побелку с чешуйчатой черной кожи Баландариона, которая поблескивала металлическим отблеском. У взрослых драконов чешуя непробиваема для стрел и даже пуль, ни у кого из земных животных нет такой защиты. В сосисках и баланде содержание железа было минимальным, поэтому блеск чешуи был едва заметен.

Алексей сел на табуретку и стал смотреть, как дракон ест. Он подумал, каков разительный контраст между действительностью, судами, этапами и тем, что он выращивал настоящего дракона Романовых. В голове не укладывалось, но придавало смысл существованию. Алексей не мог понять, как живут его соратники без драконов в схожих условиях.

Рабочая смена подошла к середине, оставалось четыре часа. Последние два часа можно было находиться в расслабленном положении духа, но сейчас после обеда, сытые, они должны были шить скатерти, чтобы выполнить норму выработки. Но если требуют выполнения норм, то надо требовать выполнение условий труда. Алексей задумал поменять всем в цехе стулья, а для этого надо было проделать соответствующую юридическую работу.

Алексей вернулся на рабочее место, в цехе прибавили громкости и переключили на DFM. Энергичная музыка должна была настроить на трудовое настроение. В ритмичном шуме швейной машины Алексей настроился, как радио, на собственные мысли и стал размышлять о фамильном гербе с драконом. Он не мог решить, должен ли быть дракон с одной или с тремя головами, а также подумал о том, что на гербе Москвы уже есть дракон. Что если взять этого дракона? Неплохая идея.

Через два часа подробных размышлений о гербе Алексей слегка расслабился. В цех пришел нарядчик и стал называть имена для получения посылок и заказов из магазина колонии. Это было сродни лотерее, и, выиграв в такую, можно было покинуть работу раньше на час или два, получить передачу и раньше всех прийти в жилую зону. В этот раз Алексею повезло, и назвали его имя для получения интернет-заказа, сделанного с воли.

Алексей прошел в КП промышленной зоны вместе с четырьмя другими людьми, вызванными для получения заказов. Среди них был и мастер Саня с “ширки”, производства ширпотреба. Вообще говоря, там работали художники, которые занимались различными штучными заказами, вроде резьбы на двери или художественного оформления стенгазет.

— “Саня, привет. Ты можешь соорудить фишку с драконом? Ну, типа, фишки казино по размеру,” — сказал Алексей, коснувшись правого локтя Сани.

— “Что? Дракона? Зачем?”

— “Для настольной игры,” — выкрутился Алексей. — “Только мне нужно, чтобы он был похож на герб. Проявишь творческую изобретательность?”

— “Ок, 5 пачек КЕНТА.”

КЕНТ тут ценили, но сигарет у Алексея не было. С другой стороны, он подумал, что фамильный герб за пять пачек сигарет — это хорошая сделка. Он сможет использовать этот герб везде, и история появления герба в тюрьме была бы необычной для истории Российской геральдики. Беда заключалась в том, что Алексей не курил, и все это знали, поэтому не заказывали ему сигарет. Алексей отрицал тюремную экономику, основанную на сигаретах, так как в прекрасной Драконьей России будущего курение на улице было бы запрещено. Вообще говоря, Алексей склонялся в своей повестке в сторону “Зеленых” и подумывал о вегетарианской диете. Он пересекался с некоторыми радикальными зелеными в СИЗО и заметил, как агрессивны, по-хорошему злы они, не допуская ни капли лжи в своем общении со следствием. Сам же Алексей пока не мог отказаться от мяса, так как очень любил краковскую колбасу.

Некоторые люди делали своих кошек вегетарианками, но вегетарианский дракон был бы слишком прогрессивным шагом даже для него. Драконы едят мясо. Жареное.

Группа прошла через локальную зону в “Лабаз”, как здесь называли местный магазин. Естественно, наличных денег здесь не было, но можно было получить интернет-заказы с воли, сделанные в этот магазин, или расплачиваться со своего лицевого счета, на который капала заработка плата, которая здесь составляла в среднем 700 рублей. Это, на минуточку, 10 пачек ЛМ или полумесечный запас сладкого и дошираков. Выживать только на зарплату здесь было решительно невозможно, казалось. Но оказалось, что возможно существовать, питаясь лишь только баландой.

В интернет-заказе Алексея были рыбные консервы, и он знал, что это для Баландариона. Из содержимого посылки непосредственной Алексей питался лишь сухариками “Три Корочки”. Жаль, что в магазине не было корма для кошек, и получать в посылке его тоже не удалось, тогда бы вся посылка была из него.

В ларьке сидела женщина, слегка за тридцать, которая была одной из немногих представителей женского рода за решеткой. Также женщинами были учителя дневной школы и медсестры, но Алексею не

разрешали проходить в медсанчасть, аргументируя что у него крепкое здоровье. Вообще говоря за последние полтора года заключения у Алексея вообще не было никаких контактов с женщинами, так как жена оставалась за границей, в Германии, а соратники не рисковали навещать его, опасаясь той-же судьбы.

Алексей поздоровался с Натальей из киоска и увидел в ней что-то родное. На мгновение он ощутил семейное тепло, которое было у него в доме в первые годы семейной жизни. Алексей забрал посылку, два пакета, и последовал к огороженной территории магазина, к двери локальной зоны. Магазин же был обычным ларьком на территории прилегающей к КП промышленной зоны, и как все локальные зоны был окружен забором с дверью открываемой дистанционно. Перемещаться свободно по территории колонии, как в детском лагере тут не удавалось, хотя Алексей слышал байки о лагерях, где это было в порядке вещей, и никакой формы не было. Вот уж где прекрасная Россия прошлого, подумал Алексей.

Алексей позвонил в домофон около двери, который был связан с постом КП, в котором сидела Наталья Павловна. Она посмотрела на экран монитора, в котором Алексей был неотличим от любого другого заключенного. В это время, почти перед окончанием рабочей смены, загодя за 30 минут в жилой зоне было

тихо. Даже ветра не было, и был слышен любой шелест, любой мелкий шум. Алексей услышал взмах крыла Баландриона и посмотрел в сторону КП. Баландрион прилетел и мягко приземлился на крышу административного здания. В домофоне ответили: – “Какой Отряд?”. Настроение, судя по голосу у Натальи Павловны было хорошим, а это было хорошим знаком, Алексею бы не пришлось ждать остальных. Алексей назвал номер отряда, и дверь локальной зоны отворилась.

Казалось бы, что это пустяк, но для Алексея это был выигрыш тридцати минут, или с учетом экономии времени на очередях, может быть, и даже часа. Алексей прошел по внутренней площади колонии к локальной зоне отряда, нажал на кнопку домофона, и эта дверь отворилась без вопросов.

Алексей вернулся в отряд, распаковал посылку, взял оттуда банку рыбных консервов, пакетик нескафе и козинаки. Отсутствие людей в отряде означало, что Алексей сможет заварить нескафе, покормить Баландриона и использовать эти тридцать минут, чтобы прочитать несколько глав Войны и Мира. Он подошел к окну, торца коридора, открыл его, и поставил открытую банку тунца на подоконнике. В это время в отряде никого не было, кроме дежурных, и Алексей мог покормить Баландриона без лишней

конспирации. Покормив дракона, Алексей помыл руки и умыл лицо. Он посмотрел в зеркало и подумал, что это лицо драконьего ренессанса России. Но в данный момент это было лицо измученное недоеданием и недосыпанием. Впалые щеки и глубокие глазницы, эта маска советско-российского ЗК, одна на всех. Алексей подумал об американских тюрьмах и силовых секциях там.

Алексей пошел к своей кровати, достал из тумбочки 3 том Войны и Мира и принялся за чтение, совместив его с кофе. Вообще говоря чтение требовало качественного времени, а тут не то что о качественном времени, а о свободном времени вообще говорить не приходилось. У Алексея была тетрадь с его задачами, которые он выписывал подобно квестам в РПГ. Он оформил тетрадь как экраны статистики, инвентаря и квестов в какой-то РПГ, и предпочитал думать о своем положении здесь как в игре. Это позволяло сохранять хоть какие-то остатки разума, и надо сказать, это давало ему бесплатный дофамин, нейромедиатор отвечающий за хорошее настроение, которым мозг вознаграждает нас за достижение целей.

Алексей, едва начав читать, отложил книгу в сторону, и проверил список квестов. Он аккуратно вписал в него:

- [] Сделать Драконью печать
- [] Улучшить питание Баландариона
- [] Наладить контакт с пекарней

Еще перелистнув страницу, Алексей открыл вкладку Персоны, в которых он выписывал контакты с которыми он имел дело. В тетради была и секретная часть [Драконья Ложа], слепленная плевком страница, в которой Алексей выписывал текущие дела драконьей ложи. Нельзя было допустить чтобы его тетрадь попала в руки администрации и вызвала какие-либо вопросы. Поэтому остальные листы были исписаны какими-то стихами, которые не должны были представлять интерес для администрации. Сосед Алексея по отряду, Сергей Кортов писал в своей тетрадке прохождение какой-то постъядерной игры, и декламировал его всем подряд. Алексей подумал что соседство его тетради с этой является достаточно безопасным, но вообще говоря без стенографии содержимое представляло серьезную опасность.

Алексей убрал тетрадь в тумбочку и продолжил читать Толстого. Главы в Войне и Мире, которую Алексей пропустил в школе по причине болезни, да и сам роман казался монструозным четырехтомником, здесь читались как сериал. Они были на 3-5 страниц, как раз на 20-30 минут ежедневного чтения и написаны эталонным языком, что заряжало его

нормальной культурой в месте, где по-другому классической культуры не добыть.

Речь шла об отечественной Войне 1812 года, и Алексей подумал что хорошо что войны, большой мобилизационной войны в современной истории России нет. Будучи политиком, не хотелось поднимать еще и военную повестку, думать о будущих приграничных конфликтах с НАТО, потушенных конфликтах с Прибалтикой, и обо всех проблемах, которые бы коснулись России в будущем. Настоящее России было в тюрьмах, а будущая прекрасная Россия была бы частью Европы. По крайней мере Алексею хотелось так думать. Толстой писал о силе истории и роли личности в ней и Алексей знал, что он – историческая личность, ведь у него был дракон. Толстой писал о прошлом России, которая была частью Европы, частью большой монархической семьи, из которой Россию вытолкнули в 1917 г. Алексей вчитывался в текст и пытался осознать Историю.

Алексей услышал шум из коридора, а это значило что мужики пришли с работы. Тихое время закончилось, читать или писать было бы уже трудно, но это значило что можно было заняться следующим текущим вопросом драконьей повестки: налаживанием контактов.

Алексей пошел в гардеробную комнату, расположенной слева от лестницы, в которой оставляли верхнюю одежду и уличную обувь, переобуваясь в тапки. У Алексея были особенный тапки, которые он привез из СИЗО. Там не было особых занятий, кроме ухаживания за вылупившимся Баландарионом, так что свободного времени было много. Алексей с помощью лезвия бритвы и стержня ручки создал настояще произведение искусства: драконьи тапки. Он подсмотрел узор в каком-то сериале, эпизоды которого безостановочно крутили в прошлые новогодние праздники, и воспроизвел этот узор на тапках. Потом он осторожно вырезал голову дракона на верхней поверхности тапок и покрасил их чернилами.

Сняв драконьи тапки, Алексей, одел куртку-ватник и вышел в локальную зону отряда, которую его отряд, швейного производства, делил с отрядом деревообработки. В отряде швейного производства не было телевизора, а у плотников он был, и Алексею как политику нужны были новости, недостаток которых для политика сулил обнулением. Кроме того, Алексей полагал что ни он один был дарован драконьим яйцом, очень хотелось увидеть хоть какой-то намек о существование драконьего интернационала. Алексей вошел в другой подъезд и поднялся в соседник отряд.

Алексея было трудно не узнать из-за его двухметрового роста, но в этот раз он сумел не привлечь к себе внимания пройти к комнате в которой стоял телевизор. По телевизору шли новости, что-то о южной америке. Алексей подумал о кубинском роме и сигарах. На одном из кадров на многовение показали какой-то флаг с драконом, наверное это был логотип Mortal Kombat. Далее прошла реклама какого-то мыла с милым мультишным дракончиком.

Через 30 минут начинался ужин, который Алексей не мог пропустить. Алексей вышел в локальную зону. Баландарион пролетел над крышами и приземлился на ней, и стал смотреть на Алексея, как кот, ждущий еды. Алексей не стал подниматься в отряд, помахал Баландариону рукой и баландарион спикировал к Алексею. Алексей достал кусочек хлеба из кармана и покормил дракона.

—“Подожди немного, скоро ужин, принесу тебе еще рыбки” — сказал дракону Алексей, и дракон, вмахнув крыльями улетел в безопасное место. Из отряда на ужин стали выходить люди. Алексей со всеми прошел в столовую. Давали какую-то белую северную жареную рыбу и капусту. Капусту Алексей съел, а рыбу убрал в карман для дракона.

Вернувшись в отряд, Алексей прошел в комнату, в которой был ремонт, и в которую кроме посвященных в драконью ложу никто не ходил. Алексей подошел к подоконнику, оставил на нем три рыбешки и постучал по стеклу. Баландарион знал что в это время надо быть особенно осторожным и не попадаться никому на глаза. Алексей вышел из комнаты и прошел к себе на кровать, решив посвятить оставшиеся до отбоя 40 минут написанием писем.

Алексей поддерживал связь с монархической семьей, но открыто заявлять о монархии он не мог. Не мог открыто говорить о политике и истории, поэтому он использовал стенографию. Обычно он писал о фильмах марвел, каждый из которых имел какой-то другой смысл для него и посвященных. В этот раз он написал ответ на электронное письмо, с вопросом о том какой фильм он считает достойным просмотра. Он знал, что так его соратники из ложи вольных драконьеров ждут от него указаний. Он описал фильм “ВеноМ”. Это означало, что мысли Алексея заняты бытовыми вопросами взращивания дракона, и думать о глобальных планах он пока не имел возможности. Сопрягать Историю России, Классическую Монархию и Драконов было его главной задачей, но голова отказывалась работать.

Вечерняя проверка прошла быстро из-за ухудшающейся погоды, но Алексей заметил Баландариона высоко наматывающего круги. Дракон знал что в это время темно и его никто не видит.

Уснул Алексей быстро, так как тут сил не оставалось. Он знал что не только Баландариону, но и ему нужно топливо, а завтра будут давать пшеничную кашу, которая почему-то была самым энергетически ценным питанием для него.

ГЛАВА 2. СОН АЛЕКСЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА

Баландарион, размером с комнату, спикировал с облаков и приземлился на трубе какого-то промышленного здания, котельной ТЭЦ, соседствующей с территорией колонии. Он с интересом посмотрел в трубу, вдохнул туда пламя, и струя огня, дойдя до ее основания, отразилась и устремилась вверх. Баландарион оттолкнулся лапами от трубы и сделал взмах крыльями, полетев к жилому корпусу ИК-11. Пламя подожгло котельную, на которую приземлялся дракон, и на горизонте появился огненный свет. Постепенно мрачный ночной

пейзаж стал окрашиваться в красно-оранжевые тона, когда огонь перекинулся на соседнее здание.

Постовые на вышках сделали несколько выстрелов в подлетающего дракона, но драконья чешуя делала дракона неуязвимым для пуль. Дракон подлетел к одной вышке и лапой ухватился за крышу. Сделав еще два взмаха крыльями, он устремился вверх вместе с крышей. Он выкинул крышу в сторону леса и полетел к другой вышке. Постовой дал короткую очередь по дракону, которая в этот раз возымела некоторый эффект. Дракон почувствовал легкие повреждения и выдохнул струю огня. Пламя опоясало здание по законам аэродинамики, создавая завихрения после встречи с фронтом. Дракон сделал U-образный маневр и полетел в сторону леса.

Алексей Анатольевич подумал, что происходит что-то странное, потому что он никогда не учил дракона таким агрессивным маневрам. Происходило что-то незапланированное, и казалось, что он наблюдает за началом батальной сцены из какого-то эпического фэнтези.

Баландарион спикировал с облаков и приземлился на крыше корпуса Алексея Анатольевича. По громкой связи из уличных колонок послышался чей-то голос, призывающий сохранять спокойствие. Это было раннее утро, время зарядки, и обычно в это время

включался гимн какого-то футбольного клуба. “Сохраняйте спокойствие, не выходите из отрядов”. Алексей посмотрел из окна и увидел зарево на горизонте.

Через какое-то время послышался шум лопастей вертолета. Баландарион свесил хвост к окну, из которого на происходящее наблюдал Алексей. Алексей открыл окно и погладил дракона.

Должно быть, это Dies Irae. Баландарион оттолкнулся от крыши здания, когда вертолет подлетел на расстоянии трехсот метров к дракону. Послышалась длинная очередь, но дракон оказался маневреннее вертолета. Он пролетел под вертолетом, в воздухе перевернувшись вверх лапами, схватил вертолет за шасси и, продолжив маневр в виде воздушного сальто, предав вертолету импульс, швырнул его в сторону земли. Когда вертолет пролетел пятьдесят метров, Баландарион восстановил контроль над своим телом и швырнул в сторону вертолета струю пламени.

За происходящим с нескрываемым азартом наблюдали из окон, и происходящее сковывало ужасом. Что, если дракон сожрет их или подожжет, и на чьей он стороне. Баландарион вновь приземлился на крыше корпуса, потом спрыгнул на внутреннюю территорию. Он заглянул в окно, на которое смотрел

Алексей Анатольевич. Их взгляды встретились. Алексей, посмотрев в глаза дракона, ощутил что-то великое и ужасное одновременно, но совсем не ощутил угрозы. Он знал, что время драконов пришло. Баландарион сделал несколько шагов вперед, наклонил шею так, что Алексей мог забраться на него. Этот вызывающий жест означал, что Баландарион признал Алексея своим мастером, и Алексей наклонился из окна, схватив дракона за небольшие рога. Он подтянулся, залез ногами на подоконник и забрался на голову дракона. Баландарион подсадил Алексея и переместил его на спину. Алексей был верхом на драконе.

Баландарион взмахнул крыльями и устремился в воздух. С улицы послышался шум военной техники, и подлетающие самолеты. Кто-то понял, что огнестрельное оружие было неэффективно для дракона, и отправил против Баландариона истребитель и танки. Баландарион, хоть и был маневреннее вертолета, справиться с ракетой класса “воздух-воздух” он бы не сумел.

Алексей верхом на драконе чувствовал себя с Баландарионом одним целым. Они устремились в небо, чтобы с высоты облаков оценить происходящее. На расстоянии 5 километров чуть выше была видна подлетающая “сушка”. Пилот нажал на кнопку

самолета и выпустил ракету в сторону дракона. Надо было отстреливаться, обмануть ракету, поэтому дракон выпустил в воздух струю огня. Конечно, драконье пламя не могло повиснуть в воздухе как ловушка для ракеты, но могло обмануть систему целеуказания ракеты. Ракета уклонилась вниз за огнем, в то время как дракон направился вверх. Вероятно, в ракете был механизм теплового целеуказания, устанавливаемый на ракеты “воздух-воздух”. Она следовала за тепловым следом цели реактивного истребителя, а дракон был хладнокровной рептилией и не особенно подсвечивался в тепловых прицелах. Поэтому пламя привлекало внимание ракеты и сбивало с толку систему целеуказания.

Истребитель подлетал к дракону, и Баландарион выпустил струю пламени прямо к нему. Истребитель пролетел сквозь пламя - на скорости 0.3 М пламя не являлось для самолета помехой. Истребитель нес на себе 6 ракет Р-77, и одна уже была отстрелена. Уклониться от всех ракет Баландариону бы не удалось, но истребитель пролетел мимо, и на разворот ему бы потребовалось не менее тридцати секунд. Баландарион устремился к земле и приземлился в лесополосе. В столь раннее зимнее утро рассветает через несколько часов, и дракон оставался бы незамеченным, в том числе и для систем тепловизионного наблюдения,

если бы не одно “НО”. Алексей Анатольевич на его спине обладал тепловым следом, и, приземлившись в лесу, Алексей спрыгнул с дракона и спрятался под его туловищем.

Истребитель пронесся в небе, издав оглушающий шум. В следующий заход он применит тактику устрашения и пролетит над лесополосой на низкой высоте, и это единственный шанс Баландариона расправиться с авиацией. Других самолетов на горизонте не было, но слышался шум вертолетов, вероятно с десантом, готовым высадиться в лесу и найти огнедышащего ящера.

Эхо пролетающего истребителя медленно угасло, Баландарион присел, готовясь прыгнуть на пролетающий истребитель. Издалека раздался шум двигателя, и Баландарион устремил свой взгляд в сторону налетающего самолета. Он прыгнул вверх, сделав взмах крыльями как раз в тот момент, когда самолет пролетал над чащей. Баландарион схватил самолет левой лапой за заднюю часть фюзеляжа, но совладать с истребителем так же просто, как с вертолетом, дракону не удалось.

Истребитель не мог выстрелить ракетой по дракону, потому что дракон оседлал самолёт. Единственной возможностью сбросить змея было совершить крутой маневр вроде петли Нестерова или

бочки. Пилот самолета опустил штурвал вниз, и самолет повторил его движение, начав спуск к земле, набирая скорость. Подлетев на опасное расстояние к земле, пилот резко потянул ручку на себя и убавил тягу. У Алексея Анатольевича потемнело в глазах, потому что перегрузка составила $7G$, и он начал терять сознание. Баландарион почувствовал это и прижал Алексея Анатольевича между крыльев. Баландарион не мог использовать огненное дыхание в этом вираже, потому что огонь бы обжег Алексея Анатольевича, отразившись от аэродинамических поверхностей самолета. Истребитель находился в первой четверти воздушного маневра, когда сознание вернулось к нему. Конструкция СУ-27-Дракон-Алексей была в горизонтальном положении, исполняя мертвую петлю.

Алексей цепко схватился за рога дракона и подтянулся к его шее. Дракон почувствовал замысел Алексея. Когда маневр был на середине, то есть самолет находился вниз головой, Баландарион постучал в стекло кабины пилота рогами. Пилот прибавил тяги и начал маневр “бочка”, придавая истребителю врачающий момент. Начав головокружительное движение, самолет не оставил Баландариону шансов на удержание своей позиции, и напоследок, ударив рогами в стекло, дракон пробил

остекление кабины. Баландарион отцепился от самолета, выпуская струю пламени, рискуя опалить Алексея.

Алексей, не сумев сохранить равновесие, устремился к земле. Баландарион поджал крылья и лапы, повернув шею к земле, и нырнул навстречу падающему. Пролетев 50 метров, Баландарион догнал Алексея и нырнул под него, мягко поймав его на спине. Оставалось немного времени, прежде чем “сушка” пойдет на второй круг и выпустит Р-77.

Баландарион спикировал к земле и направился на низкой высоте в сторону жилой застройки. Су-27 бы не рискнул выпустить ракеты в таком случае. Самолет развернулся и “сел на хвост” дракону, но никак не мог набрать скорость, позволяющую обогнать его. Козырями Баландариона была маневренность и огненное дыхание, а надеждой на реванш было укрыться в каком-нибудь здании, непросматриваемом с самолета.

На горизонте появился вагоностроительный завод, и Баландарион решил залететь в главный цех. Завод был объектом, в котором Алексей Анатольевич перевел дыхание, как только Баландарион залетел в цех. Он смог прийти в себя и осмыслить только что прошедший воздушный бой с истребителем, в котором он оседлал дракона. Еще тридцать минут назад он

стоял в бараке своего отряда и наблюдал за происходящим, едва отдавая себе отчет в происходящем.

Алексей знал, что передышка недолгая и скоро на завод зайдет регулярная армия. Появление дракона во Владимирской области было чрезвычайным событием, реакция на которое последовала бы незамедлительно.

Посыпался звук приземляющегося вертолета и курсировавшего над заводом истребителя. Алексей вновь забрался на дракона, и дракон, взмахнув крыльями, подпрыгнул к потолку завода, прицепившись лапами к металлической балке. Если кто-то зайдет на завод, то Баландарион тут же одарит их пламенем.

Из вертолета высадился десант и небольшой группой зашел через большие ворота главного цеха, над которыми завис дракон. Они даже не успели понять, что сожгло их. Не дав накалу событий остыть, дракон прошмыгнулся в ворота и одним резким рывком повторил свой маневр с вертолетом, парившим в воздухе, выпустив в него тугую струю раскаленного пламени. Расправившись с вертолетом, Баландарион сделал несколько мощных взмахов крыльями и устремился вверх, приготовившись к новой воздушной баталии с истребителем.

Что-то послышалось позади. Алексей почувствовал как время стало тягучим, и очертания предметов смазанным. Он обернулся и увидел другого, красного дракона, который выполз из сборочного цеха завода, который только что покинул Алексей Анатольевич верхом на Баландарионе.

Алексей сразу понял, каким-то мистическим образом. Без слов, как будто бы информация сама появилась в его сознании. Это был Трудандарион. Дракон революционера и друга всех трудящихся Серго Оржоникидзе. Трудандарион был в спячке, пространстве между мирами, в заводских цехах, в легендах о первых заводостроителей, и вот что-то служило катализатором к его пробуждению. Алексей Анатольевич на своем драконе запустил эпоху драконов в российской политике.

Алексей Анатольевич ощущил дрожь, что-то вырывало его из действительности, что-то...

* * *

Алексей Анатольевич ощущил дрожь, неприятные вибрации по всему своему телу. Сначала они раздавались равномерно, а потом четкими импульсами. Тук-тук-тук. Бррррр.

“В заведении объявляется подъём!” - заиграл гимн какого-то футбольного клуба. Оказалось, что кто-то тряс его шконку, пытаясь разбудить политического заключенного. Алексей Анатольевич снова проснулся в тюрьме. Это было сном, который совсем скоро повлияет на его реальность.

ГЛАВА 3: MUNDIALIS DRACONUM LOGIA

Алексей Анатольевич вновь услышал в трёхсотый раз повторяемый гимн футбольного клуба — дрожь появилась от намерения дежурного разбудить его. Такой будильник пробуждал эффективно, но вызывал резкое раздражение, тут же подавляемое сознанием. Очень хотелось ударить ногой пробуждающего, трясущего его шконку. Пробуждаться в реальности тюрьмы обычно не очень приятное дело. На первых порах кажется, что ты умер, но наоборот, и пустота сна кажется уютнее вновь осознаваемой реальности заточения. Затем проявляются штрихи,

скрашивающие эту реальность, осознание драконьей избранности, постепенно проявляется «Я». Но первые мгновения пробуждения — это чистое сознание и окружение, первые мгновения пробуждения здесь — это всегда шок. Наверное, страшнее лишь просыпаться на войне, в окопах.

Когда все ушли на улицу, Алексей Анатольевич прошёл в комнату приготовления пищи и поставил чайник, распаковав пакетик «Нескафе Классик». Напиток сразу же подействовал на Алексея Анатольевича, и он ощущил, что воссоединяется с драконьей действительностью.

Впервые Алексей Анатольевич услышал о драконах на факультативных занятиях Yale World Fellows. В американской политологической программе, куда приглашали выдающихся представителей, несущих демократические ценности, днём обучали стандартам построения правового государства, транспарентности и демократии, а вечером происходили события, протоколы которых не публиковались и не звучали нигде более. В один из дней программы Алексей Анатольевич обнаружил записку в кармане своего пиджака с приглашением в Yale Old Campus, оформленную в виде красного конверта с печатью DWF и изображением дракона.

Алексей пришёл в обозначенное время в старую аудиторию, показав на входе приглашение. В аудитории в приглушенном и кажущемся нереальным свете Алексей Анатольевич заметил несколько знакомых лиц: свою коллегу по построению демократии из Южной Америки, каких-то азиатов, а лица остальных он не сумел опознать. Лектором был человек в худи с капюшоном, накинутым на лицо, но его синие глаза, казалось, светились из-под него.

Он поприветствовал присутствующих, сложив руки в странном сплетении, образовывавшем букву «Ш». Он объявил, что представляет «Mundialis Draconum Logia», мировую драконью ложу. Их целью было внедрение в мировой нарратив драконов и возрождение драконьего величия. Этот человек объяснил, что днём они, члены Yale World Fellows, занимаются правом, а вечером используют те же методы для продвижения по пути левой руки.

«Драконы уже были частью мировой истории. Драконы вплетены в наши мифы, драконы — неотъемлемая часть европейского эпоса, драконы — это один из главных азиатских символов», — объяснил он. «Мы здесь, чтобы возродить драконов, мы здесь для того, чтобы навсегда изменить нарратив и вернуться в мифическую эпоху».

Далее речь зашла о том, что их задача в Yale World Fellows заключается в том, чтобы вырваться из нарратива современности, возможности влияния на который у них ограничены капиталом, а капитал в современности утратил свою мощь. Конечно, их дневная программа состояла в том, чтобы воспользоваться путём правой руки — правом и экономикой. В режимах, где монархия пала, объяснил человек в капюшоне с горящими глазами, добиться изменения нарратива лишь путём правой руки невозможно, так как любую правду съест дракон лжи, карающим мечом которого им предстояло стать. Он объяснял, что исправить современный мир, где правит грязный капитал, просто правовыми методами невозможно.

Путь Левой Руки драконьей ложи состоял в использовании иных методов воздействия на нарратив. Весь их класс, как намекнул он, получил приглашения в отдельные клубы, где изучали магию, карты таро, оккультные ритуалы и драконов. Алексей Анатольевич ощущал себя в мире «Гарри Поттера».

* * *

Алексей Анатольевич моргнул и очутился в мире ФСИНа. Очень странно, подумал он, ощущать себя втянутым в мировое закулисье и затем, спустя каких-то пару лет, очутиться в застенках, сначала следственного изолятора, а затем в застенках колонии. Очень странно, подумал он, пытаться воздействовать на мир, будучи миноритарным акционером и кандидатом в мэры Москвы, а затем общаться с «мэром» СИЗО путём передачи записок по ночам сквозь решётки.

Алексей Анатольевич ещё несколько раз моргнул, и в него вселилась необходимость подняться с кровати, потому что если он промедлит, то получит выписанный акт от начальника отряда, который, кажется, вставал раньше их всех. Пробуждение в столь раннее время требует особой воли, к каким бы ухищрениям ты ни прибегал. Всегда хочется высаться и просыпаться без будильника. Иногда Алексею Анатольевичу казалось, что просыпаться без будильника, когда хочется — это высшее счастье и цель трудового человека, а Алексей Анатольевич хотел покинуть рабочий класс и присоединиться к среднему.

Встав с кровати, Алексей Анатольевич вновь надел свои штаны и куртку, которая лежала на прикроватной табуретке, окинул взглядом комнату отряда и попытался настроить фокус, потому что

резкий свет и прерванный сон делали картинку странной. Такой, какой её показывают в фильмах, когда человек спит.

Алексей Анатольевич надел тапочки, не заправив кровать. Заправку он сделает после зарядки, а на зарядку снова придётся выйти. Вообще говоря, в вольной жизни Алексей Анатольевич делал большие выборы: каким расследованием заняться, чью финансовую отчётность изучить, кого принять на работу, а здесь у Алексея Анатольевича были совсем иные выборы: пойти или не пойти на завтрак (пойти), пойти или не пойти на зарядку (выйти), с почти идентичными рисками. Самым большим риском было обнаружение Баландриона, но пока что Алексей Анатольевич оставался победителем в борьбе с плохими исходами этого риска.

На улице было холодно, и Алексей Анатольевич делал зарядку интенсивнее обычного. Конечно, перевод «запасов» АТФ-кислоты в мышцах согревал, но усиливал холода. Здесь, во Владимирской области, Алексей Анатольевич одновременно и замерзал, и голодал, но унывать он не мог.

Алексей Анатольевич заметил, что как только у него пропадает хорошее настроение, что-то неладное случается и с драконом. Дракончик переставал есть, плохо летал и, казалось, заболевал. Поэтому Алексей

Анатольевич считал своим главнейшим долгом перед самим собой и судьбой Драконьей России держать себя в хорошем состоянии духа.

Алексей Анатольевич закончил делать зарядку, и все побежали в отряд заправлять кровати и варить утренний кофе. В этот раз Алексей Анатольевич решил пойти к турнику в локальной зоне отряда и улучшить настроение подтягиваниями. Алексей Анатольевич подошёл к перекладине, запрыгнул на неё и повис. В отряде никого не было, и Алексей Анатольевич тихонько свистнул. Дракон Баландарион прилетел на соседнюю перекладину и повис вниз головой в то время, когда Алексей Анатольевич делал свои 10 подтягиваний. С учётом почти двухметрового роста Алексея Анатольевича и его веса, скучного питания это был хороший показатель. Когда Алексей Анатольевич делал упражнение, он заметил, что с каждым разом глаза дракона всё более и более зажигались огоньком. Теория о сплетеении состояния дракона и его, Алексея Анатольевича, настроения не нуждалась в подтверждении, но тем не менее это было ещё одно её свидетельство.

Закончив подтягивания, Алексей Анатольевич обнаружил себя разогретым, казалось, что он подключился к какому-то драконьему источнику энергии. Алексей Анатольевич поднялся в отряд,

заправил кровать и переоделся в ботинки, повторяя ежедневный ритуал.

Давали макароны, которые в этот раз Алексей Анатольевич съел все. Баландарион полакомится консервированным тунцом. Ежедневный ритуал пробуждение-завтрак-выход на работу сначала досаждал Алексею Анатольевичу своей повторяемостью, но теперь это было частью ежедневного уклада. Драконья зарядка подключала его к какому-то источнику хорошего настроения, и даже эта скромная еда, казалось, обладала какими-то особенными качествами.

На драконьей планёрке Алексей Анатольевич поделился своим сном. Вероятно, в нём был какой-то символизм, но Алексей Анатольевич его сразу не извлёк. Повестка оставалась прежней — найти более питательный источник питания для Баландриона и получить доступ к поросятине из свинофермы.

Лёха Синицын предложил не медлить, а сегодня же пригласить пекаря в кружок. Конечно же, на волне Алексей Анатольевич тщательно проверял своих сторонников, а здесь же, в условиях жёсткого давления и нехватки времени, Алексей Анатольевич решил рискнуть.

В обед Алексей Анатольевич нашёл время для посещения хлебопекарни. Предстояло завербовать

нового человека в Драконыю Ложу. Алексей Анатольевич повторил вчерашний манёвр и прошёл в цех, когда все были отвлечены.

Алексей Анатольевич не был знаком с методиками вербовки спецслужб, но был умён и сообразителен. В каком-то фильме он подсмотрел способ, да и был начитан из жёлтой прессы, что для того чтобы завербовать человека надёжно, необходим компромат.

Алексей Анатольевич был порядочным человеком и не мог пойти на столь отчаянный и дерзкий шаг. Поэтому он делал наоборот: он показывал чудеса с драконом. Этот метод использовал ещё Сам, превращая воду в вино, и это был надёжный метод.

Но если показать человеку дракона, а он всем расскажет, как быть? Алексей Анатольевич подумал, что никто не поверит человеку, который расскажет про драконов. Ну, в самом деле, и нужно было просто проявлять доверие. Если веришь человеку, он от тебя никуда не денется, тем более если дракон сидит у него на плече.

Алексей Анатольевич пошёл в хлебопекарню и нашёл там пекаря. Пекарь не уходил на обед раньше всех, он уходил обычно вместе с деревообработкой, да и не был никогда голоден. Конечно, употреблять хлеб на работе было недозволительно, и норма питания была одна на всех, но нет-нет пекарь и подъедал

корочку батона, или плюшку, или пирожок. Колония — это такое место, где недоедание или доедание тут же отражалось на лице. Если ты питался больше обычного, подъедал «добавки», был, как называется, «кишкой», то у тебя появлялись щёки, поэтому переедать пекарь не любил, но иногда голод и брал верх.

Конечно, оставалась лишняя мука, вчерашний недоделанный хлеб, который хорошо было бы кормить не только скотине, но и улучшить питание Баландриона, дракона Алексея Анатольевича.

Алексей Анатольевич тихо зашёл в пекарню, обернулся и посмотрел на ручку двери. Он тихонько отворил дверь ещё раз, в дверь пробрался дракончик, и Алексей Анатольевич закрыл дверь на щеколду. Пекарь не сразу понял, что это: ящерица с крыльями, похожая по размеру на кошку, а может быть, на птицу, поэтому пекарь несколько раз моргнул. Проморгавшись, он подумал, что что-то не так с хлебом, может быть, какая-то плесень попала в тесто, и он видит что-то не то.

Алексей Анатольевич считывал странные эмоции удивления, такие, которые редко встречаются в тюрьме. Тут людей нечем удивить, но дракон всегда удивлял.

Алексей Анатольевич начал рассказ.

— Привет, это Навальный. — Алексей улыбнулся. — А это мой дракон — Баландарион. — Улыбка сошла с лица Алексея.

— Присядь, я всё объясню. Да, это дракон. Самый настоящий, он вылупился из яйца, которое мне передали монархисты.

— Дело в том, что монархия — самая справедливая форма правления. В ней власть даётся Богом и подкрепляется символами власти. Державой, скипетром. И кое-чем, о чём не говорят.

— Драконами. Драконы всегда присутствовали на гербах европейских стран. И восточных. Это не просто так. Драконы были всегда, и драконы были у монархов.

— Романовы потеряли драконов, но сейчас не об этом. Недавно мы стали думать, что же будет дальше. В Yale, где я учился, на меня вышла группа монархистов-реставраторов, потомков Романовых. Они, конечно, сами уже давно не в России и возвращаться не планируют.

— И я не монарх, но мне доверили яйцо, яйцо дракона. Оно вылупилось, и вот, со мной дракончик — Баландарион.

— Скоро он вырастет.

В коридоре послышались шаги. Начальник смены обходил производства, а Алексей Анатольевич

покинул швейное производство раньше, чем начался обед. Если его поймают, то выпишут акт, выговор или отправят в ШИЗО.

Надо было спрятать дракона, и Алексей с пекарем, не долго думая, — идея пришла сама собой — спрятали дракона в печке. Хорошо, что печка была открыта и остыла, испечь дракона было бы плохой идеей.

Дверь в пекарню стала издавать звуки, потом послышался стук и настойчивое желание открыть дверь. Тук-тук-тук!

Откройте. Чёрт! Щеколду с двери они не открыли.

В хлебный цех вошёл сотрудник, включил регистратор. Так-так-так, значит, в рабочее время плетём интриги? Сплетни? Алексей Анатольевич, это повод для штрафного изолятора. И вас, Геннадий, — обратился он к пекарю, — тоже наградим комиссией. Пекарь знал, что скорее всего он не отправится в ШИЗО, так как его сменщик не был столь талантливым, как он.

— Итак, сейчас на обед, а потом приглашаю вас на комиссию.

Так начался период скитания Алексея Анатольевича по ШИЗО. До этого ему удавалось избежать этого, но на этот раз звёзды сошлись неудачно. Комиссия по ШИЗО обычно проходила в 13 часов, после обеда. На неё вызывали по списку. В

список попадали по любому поводу — за малые и большие нарушения: незаправленную кровать, незастёгнутую пуговицу. Или за поимку с настоящим драконом, обсуждение плана его подкормки хлебом. Алексей Анатольевич даже не успел рассказать о самом интересном — о том, как бы откормленный хлебом дракон мог приносить свинину из соседнего завхоза, и как бы они наконец полакомились шашлычком.

Алексей Анатольевич и пекарь пошли на обед. В груди разгоралось чувство тревоги — ощущение беспокойства в области солнечного сплетения. После обеда тревога только усилилась, а до комиссии оставалось всего полчаса.

Они молчали. Перспектива одиночного заключения в отдельном, страшном здании, с подъёмом в пять утра, холодом и зарядкой под «Мортал Комбат» создавала гнетущее напряжение.

Алексея Анатольевича и других кандидатов повели на комиссию ШИЗО, которая состояла из начальника колонии, замполита — заместителя по воспитательной работе, и медицинского работника, оценивающего здоровье прибывающих заключённых, хотя он редко возражал против их содержания.

Комиссия располагалась в небольшой комнате на первом этаже штрафного изолятора. Заключённых

вызывали по очереди; они стояли в коридоре в напряженном ожидании. Атмосфера была странной — одновременно пугающей, как перед экзаменом, и полной предчувствия перемен. Ежедневная однообразная рутина, повторяющаяся месяц за месяцем, выводила из себя. ШИЗО казался неким спасением — можно было отдохнуть, если были силы, или потерять их, если хотелось испытать на себе все прелести изоляции.

Впрочем, Алексей Анатольевич никогда не видел явных попыток восстания заключённых. Он слышал о кавказских колониях и девяностых годах, но это казалось фантазией, как рассказы про драконов. О массовых бунтах, как в Сальвадоре или Никарагуа, в российской системе не было — информацию об этих событиях Алексей получал из документальных передач. Он редко проводил параллели с Латинской Америкой, но порой размышлял: то ли там кровь горячее, то ли здесь холоднее, то ли история ГУЛАГов научила систему подавлять любое сопротивление. Он прогнал эти мысли — он не был экстремистом, и вот уже подошла его очередь.

Алексей Анатольевич вошёл в помещение комиссии, как будто в сцену из «Матрицы» — время замедлилось, и всё происходило как в тормозящей видеоигре. Тем не менее он заметил детали:

выражение лиц, усмешки, цвет глаз, направление взглядов, бумаги на столе.

— Представьтесь, — командным голосом сказал замполит.

Алексей Анатольевич машинально произнёс: «Навальный Алексей Анатольевич, статья... срок... лишение свободы, общий режим». Этот ритуал он отточил в СИЗО. Проговаривая слова, он вспомнил первые дни с драконом, а его взгляд уперся прямо в глаза начальника. На мгновение ему показалось, что в его зрачках вспыхивает огонь — он не понял, воображение ли это или новая драконья способность.

Следующее мгновение — и замполит достал акт о правонарушении. Комиссия обсудила наказание: десять суток. Происходящее вокруг кажется ему инициацией, обрядом посвящения в драконий орден. Он знает, что проведёт эти дни с пользой.

ГЛАВА 4 ШИЗО

Красный дракон Трудандарион вылетел из цеха и завис над заводом. Алексей Анатольевич обернулся, сидя на Баландарионе, который уклонился от налетающего истребителя, всеми силами держась за рога черного дракона. Взгляд красного дракона притягивал внимание Алексея Анатольевича, и ускользнуть от него стоило больших усилий. Едва встретившись с ним, Алексей почувствовал неприятное чувство, которое ощущалось прикосновением к его душе. Оно потекло с макушки, резонируя в коленях и пальцах, создавая неприятное жжение в них. Но и другое чувство захватило Алексея Анатольевича. Его сознание, за момент встречи

взглядом с драконом вытеснилось голосом Трудандариона. Взгляд уже невозможно было оторвать от взора красного дракона, а поле зрения вокруг замыливалось и краснело, вибрируя символами, похожими на серп и молот, барельефы Маркса, Энгельса и Ленина.

— Я Трудандарион, — послышалось в сознании Алексея Анатольевича.

— Я Дракон Труда, ордена Трудового Красного Знамени.

— Я Дракон Революции.

— Я Дракон Всех Трудящихся.

Слова давили на череп как тиски, и Баландарион, вмешиваясь в акт внушения и одновременно уклоняясь от налетающего Су-27, взмахнул крыльями в попытке повернуться на 180 градусов. Таким образом он надеялся разорвать контакт Алексея Анатольевича с красным драконом, а налетающая ракета должна была попасть в Трудандариона.

Битва Трудандариона и Баландариона над вагоностроительным заводом во Владимирской области вошла в свою пиковую фазу.

— Алексей Анатольевич, история России знала тысячу лет монархии и девятьсот лет рабства. Романовы принесут в историю России то, что мы искореняли. Многие из нас снова станут рабами,

крепостными, а место знати займут... Его некому заменять.

— Вы должны изменить курс на восстановление Советского Союза, на создание бесклассового общества, на...

Баландарион вывел Алексея Анатольевича из-под взора красного дракона, и Алексей Анатольевич вернулся в сознание. Это было чем-то сродни пробуждению или, как он подумал, подобно тому, как боксер поднимается после нокаута. Вжух — и он, моргнув, снова в «себе». Второе отключение за полет, но нахлынувший адреналин ввел его в сознание. Алексей Анатольевич крепко ухватился за дракона, соединяясь в потоке сознания со своим питомцем. Ракета задела крыло Трудандариона, но не взорвалась, лишь поранив его. Пролетев еще сто метров, она столкнулась с крышей завода, и взрыв толкнул Трудандариона в спину. Баландарион, сделав еще несколько мощных взмахов крыльями из последних сил выдохнул поток пламени, который облизал налетающий самолет с разбитым кокпитом. Пилот почувствовал невыносимый жар и потянул штурвал на себя, а ручку тяги от себя из последних сил, пытаясь уйти из-под пламени Баландариона.

Трудандарион, ускоренный взрывной волной, напротив, приблизился к Баландариону, который в это

время был ориентирован спиной к красному дракону, и вцепился в него когтями своих лап.

Алексею Анатольевичу показалось, как будто что-то отразилось в его сознании — герб Москвы, мэром которой он баллотировался. На гербе был изображен дракон, пронзаемый Георгием Победоносцем. Тут же красный дракон пронзил черного, образуя причудливый, вполне себе символичный двухцвет — флаг анархии.

Трудандарион не смел выпускать красное пламя, вероятно, дракон не хотел, не мог подвергнуть Алексея Анатольевича опасности. Пара Баландарион-Трудандарион начала стремительное пике к земле, и Алексей Анатольевич каким-то образом очутился уже на спине Трудандариона. Драконы бились за его душу, как политические парадигмы.

— Алексей Анатольевич, — вновь прозвучало в голове у Алексея, — нельзя допустить контрреволюции. — Голос напоминал, как будто бы Ленин, Орджоникидзе, Сталин и Жуков говорили в унисон. — У нас мало времени, но пока я у вас в голове, время течет иначе.

— Я Трудандарион. Мое яйцо привез из Розлива Ленин. Как оно к нему попало — неясно, но вероятно, оно было доставлено из Швеции через Великое княжество Финляндское его товарищами. Владимир

Ильич тогда не поверил в драконов, а единственный дракон, его занимавший, это Дракон Революции. Мир должен был стать бесклассовым, он должен был скинуть господ и возвысить рабов, и в этом мире не время для драконов, как и не место для богов.

— Владимир Ильич принял мое яйцо за шутку, и после его смерти его подарили его верному соратнику, революционеру Серго Орджоникидзе. Серго, хоть и повидал многое во время своей революционной деятельности — и царскую охранку, и филёров, и слежку, ссылки и побеги, — всё же оставил в своей душе место для сказок. Он выходил меня, и вместе мы построили не один завод. Я надеюсь и Вам, Алексей Анатольевич удастся построить завод.

— Но у нас немного времени, прежде чем наша связь прервется. Вы должны пересмотреть свои взгляды... Вы должны зажечь красное пламя в своем сердце и поменять свое мировоззрение на социалистическое с либерального. Вы — единственная надежда советского народа на реванш.

Алексей почувствовал сильнейший удар: два дракона в схватке, свернувшись кубарем, упали на территорию завода. Алексей Анатольевич проснулся с зашкалившим пульсом, горячим потом на лбу, резко открыв глаза, подпрыгнув на шконке. Это снова была тюрьма, камера ШИЗО и его первое в нем заключение.

Он не уснул до самого утра, когда заиграла мелодия из Mortal Kombat и началась зарядка, которая поднимала пульс еще выше. Алексей Анатольевич ясно помнил этот сон и пытался найти в нем смысл. Было это лишь игрой его психики или чем-то иным. Он вспомнил свое детство в Советском Союзе, посещение им родственников в режимных городах, но тогда точно не было драконов. Было другое время — бедное, но счастливое детство. Он помнил Советский Союз как страну с развалившимся экономикой, свой скепсис к советской власти и институтам, ею созданным. В советских реалиях место сказки было разве что в детских мультильмах и сериалах, но никак в буднях, где, казалось, было полное противоречие сказке. Советскую реальность в первые годы после революции ткали писатели-соцреалисты. Советским идеалом был труд, и труд ставился во главу угла. Магии, способной заменить труд, не было, ибо марксизмставил труд двигателем истории. Разве тут есть место для драконов, разве что для дракона труда, который жил в душах трудящихся, опять же в реальности соцреалистов. Дракон Труда. Трудандарион.

В кормушку постучались — завтрак. Обычно довольствие в ШИЗО составляло не более 3/4 нормы, но в этот раз дали красные бобы вместо обычной каши и хорошего крепкого чаю. Из рукава баландёра

вывалилась шоколадная конфета фабрики «Рот Фронт». Неспроста. Алексей Анатольевич принялся за трапезу, не задавая вопросов, и настроение ощутимо поднялось. В тюрьме нельзя было воспринимать так, как бы это воспринималось на воле. У всего было двойное дно, подковырка, подзатыльник. Если случается что-то хорошее, то через пять минут, двадцать минут, час или завтра случится что-то плохое, превосходящее это хорошее. Психология старосидящего была вся полна двоемыслия, наученного годами тюремной жизни. Алексей Анатольевич не знал этих горьких уроков, которые с каждым разом становились всё сильнее. Если сейчас плюс, то стоит ждать минуса, и это создавало двоемыслие. Нельзя было полностью уходить в оптимизм, и надо было готовиться к очередной оплеухе.

Алексей Анатольевич ходил из конца камеры в другой конец, то разгоняясь, то останавливаясь, думая то о хорошем, то о плохом. Но плохого не происходило. Он подумал, что вероятно, смысл стоит искать во сне. Он подумал о Баландарионе и о том, что сказал ему Трудандарион, и наконец понял, что в этот раз подковырка в нем самом. Подходил боком вопрос: «А кто я?», «За кого я?». Баландарион был реальным, по крайней мере он вылупился у него не во сне, если,

конечно, жизнь в тюрьме не была сном. Трудандарион был лишь во сне, но...

Баландарион подлетел к окну ШИЗО. Алексей Анатольевич подпрыгнул, схватился за решетку окна двумя руками и подтянулся. Баландарион во рту держал пакет, в котором, должно быть, были сигареты, конфеты, и... там была книга. Томик писем Ленина.

Конфеты понадобятся к чаю для «разгона». Сигареты можно обменять на информацию, словившись по «мокрой». Томик Ленина же... Алексей Анатольевич не мог игнорировать свой сон и принялся за чтение. Но прежде он подумал. Обыски в ШИЗО. Зачем они нужны, если с собой ничего не пронести. Неужели сотрудники сталкивались со случаями, когда они что-то находили. Алексей Анатольевич никогда не слышал о таком, но раз это часть системы, значит... Значит, были прецеденты. Он не первый такой. И не единственный. «Ты не один» — он вспомнил об открытках, получаемых с воли. Его словно осенило, что, может быть, это намек... Но всему свое время.

Алексей Анатольевич принялся за чтение Ленина. Это был один из первых томов сорокатомника, содержащий дореволюционную переписку Владимира Ильича с соратниками, в том числе с Серго Орджоникидзе. Казалось, не имея YouTube, но имея лишь почту, подпольную печать — листовок и газеты

«Искра», — повернуть маховик истории в «красное» было невозможно. Но история говорила: это реальность. Переписка шла в основном об идеях мировой революции, власти трудящихся, о преступлениях царизма и партийных делах. Казалось, что расклады столетней давности были похожи на то, что было в действительности, за исключением одного но — мировой войны.

Можно ли что-то поменять без войны? Алексей Анатольевич не знал, и спросить было не у кого. Советский Союз пал в результате развязки холодной войны, Российская империя — Первой мировой. Неужели... Неужели... Алексей Анатольевич не подходил к этому вопросу.

Алексей Анатольевич встал из-за стола, положил книгу под стол и зашагал по камере ШИЗО. Хлеборез переставил ноги с пути Алексея Анатольевича. Алексей Анатольевич вновь зашагал по камере, чеканя каждый шаг, и мысль о войне драконов захватывала его всё больше. С другой стороны, отстранясь, он подумал, что являл бы собой хороший пример для психиатра как пациента с навязчивым бредом. Если бы не тот факт, что он действительно был в тюрьме, действительно был в ШИЗО, и только что действительно получил передачу от живого дракона.

В институте Алексей Анатольевич проходил курс психологии и никаких признаков психического расстройства он в себе не находил. С другой стороны, то количество событий, откровений и тайн, внезапно свалившихся на него, обязывали его к скептицизму, к отрицанию всего этого. Это не может быть действительностью политического заключенного — заключенного номер один. Политика — это игра с жизнями реальных людей, а то, что ему открывалось, открывалось лишь одному ему и его узкому кругу, но эти тайны были столь великими, что сдвигали парадигму мироощущения. Открытие миру драконов — это революция, которая выше, сильнее всех предыдущих. Ленин оставался в рамках реализма, но даже Ленин не выдержал более нескольких лет после, и, как говорят, сошел с ума. Сошел ли с ума Алексей Анатольевич? Точно нет, подумал Алексей Анатольевич.

В дверь камеры ШИЗО постучали — время ужина. И вновь порции были увеличены.

Следующие несколько дней в ШИЗО происходили так же. Хлеборез и Алексей Анатольевич не проронили ни слова, и, казалось бы, всё равно были на одной волне. Синхронизировавшись, казалось бы, они думали об одном. Казалось, что Алексей Анатольевич передает сведения о драконье России и драконах как

бы по Wi-Fi, но вместе с тем, погрузившись в красные главы российской истории, наделял свой нарратив двоемыслием, допуская две противоположные политические доктрины одновременно.

На седьмой день в ШИЗО внезапно, после обеда, послышались звуки поворота ключа, когда Алексей Анатольевич, сидя на скамейке перед столом, стал засыпать, клонясь в сон. Звук открывавшейся двери был сродни звуку будильника, и томик Ленина выпал из рук Алексея ровно в тот момент, когда дверь открылась. В камеру ворвались оперативники, и, как всегда, шмон случается тогда, когда меньше всего его ждешь.

— Алексей Анатольевич, вы, вы нас удивляете.

Он поднял с пола книгу Ленина, на которой не было отметки о визе в ШИЗО.

— Либерал читает Ленина. Похвально.

Он перелистывал книгу, а на лбу у Алексея Анатольевича появился едва заметный пот, а пульс участился. Это же нарушение, и за него срок в ШИЗО обычно добавляют. Эта неделя в заперти в компании Ленина и молчаливого хлебореза не должна была перетекать в две-три-месяц.

Похвально. Он положил книгу на стол. На выход. Оба. Адреналин стукнул по вискам, и казалось, сейчас что-то будет, возможно нехорошее. Они вышли в

коридор, встали звездочкой, и их с пристрастием ощупали, но, ничего не найдя, впустили обратно. Алексею Анатольевичу показалось, что чтение им советской литературы как-то повлияло на действительность, и отношение администрации к нему поменялось в лучшую сторону. В любом случае, в этот свой первый срок в ШИЗО Алексей Анатольевич не обнаружил к себе ни плохого отношения, и никто более не перешагнул границу дозволенного.

В голове у Алексея Анатольевича творилось странное. Его либеральное мировоззрение начало перекрываться социалистическим, советским, которое он впитывал по соображениям своей личной физической безопасности и нужды в хорошем питании. Дракон Баландарион в его снах сражался с драконом Трудандарионом, что, вероятно, было символичным образом, описывающим современное российское политическое пространство.

Потребление трудов Ленина требовало особых усилий, потому что он вызывал сон, и Алексей Анатольевич знал, что если он впадет в него, заснет хоть на минуту, то по какому-то злому закону мироздания тут-же в дверь постучат, она откроется и его безопасное медитативное чтение закончится неприятным контактом с администрацией.

ГЛАВА 5 HERE BE DRAGONS

Соратники Алексея Анатольевича после его ареста, по-видимому, списали его со счетов, либо их сильно напугали, и письма от бывших коллег стали приходить всё реже, до тех пор, пока не перестали приходить вообще. Корреспонденция была от сторонних людей, от некоторых анонимных благожелателей, посвященных в драконью тайну, но в целом его пребывание за решеткой казалось какой-то ступенью инициации в деструктивной, как сказали бы служители РПЦ, секте с контролем разума. Его прежние контакты подменялись новыми, а старые

самоустранились, терялись. Новые контакты за решеткой были странными — ведь никому не разрешалось общаться с Алексеем Анатольевичем, а переписка казалась монотонной, единообразной, за исключением лишь некоторых писем и открыток. Казалось, сознание выворачивается наизнанку, когда его мир переворачивался вниз головой.

При этом стояла задача создать свою, так сказать, секту, закрытый клуб драконавальнистов, а почерпнуть информацию о том, как это сделать, у Алексея Анатольевича не было. Приходилось действовать по интуиции, здравому смыслу и обрывкам каких-то сведений из всё еще яркой памяти. Итак, членство в закрытом клубе должно давать адепту: чувство исключительности, социальную поддержку, ставить ясные цели и подкреплять при успехах. В деструктивных сектах обычно сурово наказывают за нарушение запретов, контролируют личную жизнь и содержание мыслей. Но тут мы этого делать не будем, подумал Алексей Анатольевич. Недалеко до создания НКВД или органов политической полиции, впрочем, они почему-то появлялись сами собой, когда подобные организации вырастали. А иногда они вырастали до стран и становились, по сути, их режимами.

Алексей Анатольевич вспомнил случай, когда бывший милиционер из Сибири назвал себя новым Иисусом Христом, собрал деревню в Сибири, где все счастливо жили, до тех пор, пока органы государственной безопасности не пробрались в его культ и не посадили бывшего сотрудника МВД, впрочем, как и Алексея Анатольевича. Виссарион. Алексей Анатольевич вспомнил про какие-то группы секты космического толка. И в целом, после часов размышлений каша в голове стала лишь усугубляться.

Казалось бы, надо оставаться в общем русле, но выдать драконов казалось столь же экстремальным, как инопланетян. Отрицать драконов Алексей Анатольевич не мог, а вот инопланетян он не видел никогда. Стоило прикладывать колоссальные усилия, чтобы оставаться в своей колее.

В очередной день Алексей Анатольевич и Драконья ложа собралась перед утренней работой. Хлебопекарь был новоиспеченным драконавальнистом, с которым была проведена лишь вступительная разъяснительная работа. Необходимо было разработать процедуру, протокол вступительной инициации, который задокументировать, сидя в тюрьме, было бы весьма рискованным занятием. Но раз уж взялся за дело — делай.

— Драконы были проводниками истории человечества с начала времен. Драконы вывели нас из каменного века, драконы дали нам огонь, и драконы дали нам истоки цивилизации. Драконы ушли, мир стал нормальным, но нормальный мир иногда заходил в тупик, из которого выхода не было. Наша история, которую мы знаем в школе, истинна, но существует и другая история, которая скрытая, которая выводила нас из тупиков.

Алексей Анатольевич говорил голосом, похожим на то, как в кинотеатрах анонсируют фэнтези-фильмы в трейлерах. И в самом деле, трейлер внушает желание зрителю посмотреть фильм, точно так же, как Алексей Анатольевич внушал Ивану, хлебопекарю, вступить в новое интереснейшее общество. Необходимо было тщательно взвешивать интонации, но это получалось само собой. Алексей Анатольевич чувствовал, что ходил по краю, но всё еще мастерски балансируя на краю обрыва.

— Драконы были частью нашей истории. Драконы открыли себя Романовым, но принесли себя в жертву истории России, прежде чем открыть себя вновь в момент исторической необходимости.

В комнату влетел Баландарион и уселся на стол от швейной машины Jack. Иван сначала почувствовал, что его дурят, его бритая голова стала странно

чесаться, а во рту появился вкус квашеной капусты. Потом голос Алексея Анатольевича расслабил его, а затем придал какой-то разгон, и вместе с ощущением одурачивания появился интерес. Когда дракон влетел в комнату, голова закружилась, и всё показалось нереальным, пульс стал бить по ушам, но спустя мгновение всё вернулось в норму.

— У нас есть надежда на историческую справедливость, но надежду надо кормить. Баландарион вырастет в настоящего дракона, но ему надо что-то кушать, и мы знаем, что у тебя есть хлеб. Ты же, блин, хлебопекарь. — Тщательно взвешивая каждое слово, разразился Алексей Анатольевич. — Наш дракон — самый нормальный дракон в мире. Никакой магии. Никаких сюрпризов. И, — ухмыляясь, произнес Алексей Анатольевич, — он будет приносить нам кур из соседних деревень. А когда вырастет — свиней. Мы будем жарить шашлыки и наконец разнообразим баланду. Наш дракон — Баландарион.

Иван почувствовал то, что испытывают, когда открывают коробку с новым айфоном. Радость, интерес, чувство нового времени, но вместе с тем опасность и странное чувство наблюдателя или дежавю.

— Что, что я могу сделать?

— Иван, нам надо пятьдесят буханок хлеба в день. Начнем с десяти. Но возможно доведем до пятидесяти.

Алексею хотелось продолжить свою речь о хлебе тезисами о том, что каждый колосочек был дорог советскому народу, что хлеб — всему голова, и что уронить хлебушек является столь же скотским проступком, как измена родине. Ноказалось, что это бы толкнуло его с края высокого обрыва, по которому он ходил, поэтому он вовремя остановился.

Иван выглядел странно, его глаза остекленели, он повторял слова за Алексеем Анатольевичем и монотонно двигал руками. Алексей Анатольевич подружески, но сильно хлопнул его по правому плечу, и Иван пришел в себя.

— Ваня, нужен хлеб! Пятьдесят буханок! И каждый день.

Из коридора швейной мастерской послышались шаги и нарастающий гул, и масса людей возвращалась с уличного перекура. На этом утренний драконий брифинг подходил к концу, и группа из четырех человек-драконавальнистов отправилась на работу. Шить скатерти, которые в рамках этого нарратива казались сакральными предметами. Откосить от шитья скатерей не удавалось, и сам процесс вышивания после очередного утреннего мотивационного заряда казался сродни молитве.

Монотонный звук работы машины, иглы и счетчика изготовленных скатерей, сама монотонность вкупе с молчанием в цеху и работой радио с электронной музыкой вводила в особое состояние, где, казалось, всех овладевали одинаковые мысли.

Алексей Анатольевич думал же о том, что делать с предателями. Что, если кто-то выдаст драконью тайну? Что делать? Это казалось опасным вектором мышления, но пока что, пока что никто просто не поверит рассказу о драконах, а так как телефонов в тюрьме нет, то и особого риска тоже.

У Алексея Анатольевича зачесалось в области затылка, и он подумал, что, наверное, стоит отложить эти мысли на потом, потому что без действий они походили на жвачку, и принялся за работу. Почему-то каждый новый день за швейной машинкой уменьшал количество мысленной «еды», потому что без внешних событий хождение по кругу и повторение приводило к неприятному чувству головной боли, и Алексей Анатольевич в эти моменты просто переставал думать, как бы включая автопилот.

В этот раз что-то вмешалось. Возможно, внешние силы либо начало проявлять себя психическое расстройство, и Алексей Анатольевич услышал в голове голос Бориса Николаевича Ельцина.

— Алексей, Алёёша, здраавствуй.

Алексей Анатольевич сначала не понял, откуда послышался этот голос, обернулся, посмотрел по сторонам, проморгался и понял, что все молчат, а в цеху играет музыка, которая достаточно громкая и перебила бы негромкий голос, который он услышал.

— На тебе стоит великая миссия — вернуть россиянам счастье, хоть немного разнообразить их тяжелую жизнь.

Алексей Анатольевич понял, что этот голос как бы шел параллельно с его внутренним голосом, как диктора радио. Он понял, что слышит голос Бориса Николаевича Ельцина, который комментировал его действия, но не назойливо, без критики.

К обеду этот голос, как голос диктора, то появлялся, то исчезал, и к тому, как начался перерыв, он совсем стих.

Алексей Анатольевич, вспыхах пообедав, вновь собрал драконавальнистов в драконьей ложе. Иван принес десять буханок хлеба, которые Баландарион слопал с превеликим удовольствием.

— Друзья, я надеюсь, что наши планерки дают вам свежий смысл в существовании, какой-то свежий ветерок, дающий надежду в рутине повторений. Кажется, если мы не будем привносить в наш нарратив что-то новое, то в этом болоте мы утонем, потухнут наши глаза, а вместе с ними и наши мечты.

Администрация делает всё, чтобы так и случилось, чтобы мы стали покорными болванчиками, похожими друг на друга, с пустыми головами, без идей. Чтобы нами можно было легко манипулировать, ссорить, разделять на группы и сталкивать лбами.

ГЛАВА 6 ТЫ НЕ ОДИН

В весене Баландарион уже мог приносить по поросятке каждые выходные, которых бережливо приземлял в районе промышленной зоны, около бани. Это означало про привелигоированным классом в этой конструкции были банщики, но весна сбавляла силу мороза и необходимость в постоянном присутствии качегара на своем месте сходила на нет. Тем не менее, доступ к свинине и к открытому огню, печке скрашивал их существование и налаживал производство нового ресурса в этой закрытой экономической системе. Шашлыка. Потизоньку шашлык наряду с сигаретами становился основой валютой в тюрьме Алексея

анатольевича, чему алексей анатольевич, юрист, был очень рад.

Вечерние размышления о своем месте в этом мире, по ту сторону решетки размывались и скрашивались тем, что алексей анатольевич находил себе применение и на этой стороне жизни. Он встроил себя в вершину иерархической пирамиды бутлегеров, и встроил так, что получил монополию. Сигареты, теоретически мог “производить” всякий кто мог из заказывать с воли. Возможности наладить экономину с монополией не было, а вот с шашлыком – качественным мясом, он, по-сути были один, за исключением столовой с баландой и редких передачек колбыса. Итак, начинал появляться интерес, благодаря включенной шашылочной экономики, которую помогал создавать дракон Баландарион.

Вместе с начинающей налаживать экономикой шашлыка начинала появляться необходимость и обеспечения безопасности этого предприятия. Откуда у АА столько мяса, кто поставляет его в колонию и каким путем – это бы стало объектом вопросов со стороны сотрудников колонии.

Алексей Анатольевич не получал много писем и открыток, так как люди боялись преследования со стороны политической полиции, которая получила

больше власти. Даже бывшие коллеги Алексея Анатольевича побаивались октрыто писать ему, с учтом введения в ход новых статусов.

Одна из открыток, которую получил Алексей Анатольевич подписанная “Ты не Один”.

На лицевой стороне крупными буквами было написано: «Ты не один». Алексей открыл её и увидел внутри послание: «Дорогой друг, помни — каждое отражение хранит частицу души. Иногда зеркала помнят больше, чем мы сами. Будь внимателен к тем, кто говорит твоим голосом, но молчит твоей тенью. С надеждой на встречу, когда солнце встанет в зените». Странная формулировка его насторожила. Зачем говорить так загадками? Он перечитал текст ещё раз, провёл пальцами по бумаге и почувствовал, что открытка в центре чуть толще обычного.

Алексей поднёс открытку к свету. Бумага казалась неравномерной — в середине было что-то вроде уплотнения. Он аккуратно прощупал края и понял: это не один слой картона, а два, склеенные вместе. Сердце забилось быстрее. Кто-то специально спрятал что-то внутри. Он взял лезвие для заточки карандашей и начал осторожно расслаивать открытку с уголка. Картон поддавался медленно, но между слоями действительно оказался тонкий листок бумаги.

На листке бумаги был текст, описывающий ритуал создания двойника. Для этого надо было заварить крепкий чай, съесть конфету «Рот Фронт» и капнуть на зажженный лист бумаги капелькой крови из пальца. В этом тексте было написано, особо подчеркнуто, что лист бумаги должен быть из какой-нибудь красной коммунистической книги издания до 1990 г. Лучше всего для этого подходили сочинения Ленина, но годились и другие книги о деятелях компартии.

Алексей в это время читал очередной том сочинений Ленина и решил попробовать провернуть этот ритуал ночью после отбоя в туалете своего отряда. Алексей Анатольевич заранее подготовил лист бумаги, и по отбою, подождав двадцать минут — времени, когда большинство в его отряде уснут, — отправился в туалет. Ночная жизнь в его отряде была редким явлением, и иногда, когда в отряде никто не дежурил ночью, могли собираться без света на «кишке», чтобы заварить чай, почитать или заняться в относительном покое тем, что было недоступно днем. Это был один из таких дней, но большинство были настолько уставшими от изматывающего труда, что предпочитали сон ночному общению.

Алексей Анатольевич пошел в туалет, предварительно выпив два глотка крепко заваренного чая — чифира на кухне. Зайдя в туалет, он зашел в

одну из кабинок, достал лист, вырванный из Ленина, и зажег его. Затем достал из кармана лезвие и порезал средний палец. Капнул на горящий лист каплей крови.

Сначала — щелчок. Не звук, а ощущение, будто что-то внутри черепа встало на место. Или наоборот — выпало из пазов.

Потом — падение. Не физическое, а какое-то внутреннее, как на американских горках, когда вагон срывается с вершины петли и желудок уходит в пятки. Вестибулярный аппарат включился на полную мощность, посыпая в мозг противоречивые сигналы: ты падаешь, ты стоишь, ты летишь, ты неподвижен.

Алексей открыл дверь кабинки и увидел, как реальность начинает расслаиваться.

Сначала она разделилась на слои — как если бы мир был многослойным тортом, и кто-то медленно раздвигал его части. Пол, стены, воздух — все обрело глубину, которой раньше не было. Между слоями проступала темнота, или свет, или что-то среднее между ними.

Потом слои начали рассыпаться.

На шарики.

Плитка под ногами перестала быть плиткой. Она распалась на тысячи, миллионы крошечных сфер, каждая размером с горошину. Они светились изнутри тусклым желтоватым светом и медленно вращались

вокруг собственных осей. Стены тоже рассыпались — на шарики другого цвета, серо-голубые. Воздух между ними стал видимым — прозрачные сферы, переливающиеся радужными бликами.

Это было раньше, — осознал Алексей. — В самолете. Когда меня отравили.

Тогда он шел в туалет, и мир тоже начал разваливаться на составные части. Тогда он еще не знал о навальной магии. Ему лишь намекнули про яйцо дракона, и он не придал этому значения. Но сейчас он понимал: это не галлюцинация. Это реальность, увиденная с другой стороны.

Алексей сделал шаг вперед.

Пол под ногой исчез.

Не провалился — именно исчез. Шарики, из которых он состоял, разлетелись в стороны, как билльярдные шары после удара, и под ними оказалась пустота. Нога ушла вниз, тело последовало за ней.

Падение было странным. Алексей проваливался сквозь слои реальности, и каждый слой был сделан из этих шариков, которые расступались перед ним, как вода. Он пролетал сквозь пол туалета — желтые шарики разлетались в стороны фейерверком искр. Сквозь потолок этажом ниже — серые шарики взрывались облаком пыли. Сквозь чью-то комнату —

темно-синие шарики медленно плыли в стороны, как планеты.

При каждом прохождении через слой цвета менялись. Желтый становился фиолетовым. Серый — алым. Синий — зеленым. Они не просто меняли оттенок — они *резонировали*, пульсировали в такт какому-то невидимому ритму, словно весь мир был гигантским организмом, а шарики — его клетками.

Формы тоже менялись. Шарики вытягивались в эллипсы, сжимались в точки, превращались в кубы с острыми гранями, в октаэдры, в икосаэдры, в невозможные многогранники с углами, загибающимися в измерения, которых Алексей не мог увидеть, но чувствовал. Геометрия пространства ломалась и перестраивалась вокруг него, подчиняясь законам, которые он не понимал.

Сознание начало ускользать. Алексей чувствовал, как темнота подступает с краев зрения, как мысли становятся вязкими и медленными. Еще секунда — и он потеряет себя в этом калейдоскопе форм и цветов...

Он пришел в себя.

Резко. Как будто кто-то щелкнул выключателем.

Алексей стоял в туалете. В той же кабинке. Дверь была открыта. Обгоревший лист из сочинений Ленина догорал у его ног, и палец все еще кровоточил.

Но что-то было не так.

Воздух. Он был *тяжелым*. Плотным. Каждый вдох требовал усилий, как будто атмосфера загустела, стала вязкой, как мед. Или как вода.

Как под водой.

Алексей поднял руку перед лицом и медленно провел ею в воздухе. Движение было замедленным, сопротивление ощутимым. Воздух струился между пальцев, оставляя за ними едва заметные завихрения, как рука оставляет след в воде бассейна.

Звуки тоже изменились. Они стали приглушенными, отдаленными, словно доносились сквозь толщу воды. Гудение труб в стене, капель из крана, шорох ночного ветра в вентиляционной решетке — все это звучало так, будто он был погружен в аквариум, а весь мир остался снаружи.

Алексей вышел из кабинки. Туалет выглядел как обычно, но в то же время — совершенно иначе. Краски были ярче. Тени — глубже. Каждая деталь, каждая царапина на стене, каждое пятно на полу казались значимыми, награжденными смыслом, который он не мог расшифровать.

Он открыл дверь и вышел на «кишку» — длинный коридор отряда.

И увидел их.

На «кишке» сидели люди. Точнее — то, что должно было быть людьми.

На деревянных скамейках, в тусклом свете ночных лампочек, расположилось несколько фигур. Они пили чай из кружек, тихо разговаривали, листали книги. Все как обычно в такие редкие ночи.

Но лица были *неправильными*.

Алексей узнал их. Всех до одного.

Ближайший к нему — коренастый мужчина в растянутой майке — имел лицо Брежнева. Не похожее — именно *его* лицо, узнаваемое, с характерными густыми бровями и тяжелыми веками. Он что-то рассказывал, жестикулируя кружкой с чаем, и голос был его голосом, медленным и невнятным, чуть приглушенным водной толщей воздуха.

Рядом с ним сидел худой парень, которого Алексей знал как Витька-электрик. Но сейчас у него было лицо Суслова. Он кивал, слушая Брежнева, и механически кусал бублик, его выражение было строгим и идеологически выверенным.

Дальше по коридору — Андропов в очках, Черненко с одутловатым лицом, Косыгин, Громыко, Устинов. Все они носили одежду обычных зэков отряда, сидели на их местах, делали их дела. Но лица, лица были *их* — членов Политбюро, которых Алексей видел на портретах в красных уголках, в кинохронике, на трибунах Мавзолея.

Они не замечали его. Или делали вид, что не замечают. Продолжали свой разговор, свое ночное чаепитие, как будто все было в порядке. Брежнев что-то говорил о пятилетке, Суслов кивал с серьезным видом.

Алексей почувствовал, как холод разливается по спине. Это не его мир. Это виртуальная реальность, копия, симуляция. А там, в настоящем мире, его тело...

Вот зачем был ритуал. Создать двойника, который будет делать его работу на автопилоте, пока настоящий он находится... здесь. В этой подводной копии реальности, где люди заменены на марионеток с лицами политиков.

Алексей сделал шаг вперед. Воздух густо сопротивлялся. Шаг назад. То же самое. Он был заперт здесь, в этой странной версии мира, где мертвые члены Политбюро пьют чай в телах зэков, пока двойник живет его жизнью.

Брежнев-не-Брежнев повернул голову и посмотрел на него. Глаза были пустыми, как у статуи на площади. Улыбнулся медленно, по-стариковски — и продолжил свой разговор.

Алексей понял что ритуал работает, и что кто-то начинает серьзно помогать ему, открывать тайны, оккультные ритуалы, которые наверное не бесплатны. Задумываться о природе этих явлений не хотелось, но

интуиция подсказывала что наверное есть какие-то экономические аспекты, вроде маны.

Алексей снова пошел в туалет, зажег папиросу, начертил ей в воздухе букву Н, и тут-же еще один щелчок, все вернулось обратно. Алексей дошел до своего спального места и уснул практически мгновенно.

Завтра ему предстоит партийная работа, а швейный цех подождет.

ГЛАВА 7 ОККУЛЬТНЫЙ НАВАЛЬНИЗМ

Очередной день, очередной выход на работу, очередное пробуждение в тюремной реальности.

Но вместе с этим — чувство, похожее на то, когда в детстве тебе купили PlayStation, и ты внезапно стал самым модным парнем во дворе.

Алексей открыл глаза с ощущением драконьей избранности и с ясным знанием: у него есть секрет одного из первых ритуалов навальной магии.

Он вышел на завтрак, покормил Баландариона — всё как обычно. Но на этот раз перед выходом на работу он повторил вчерашний ритуал: чай, тишина и

сожжённый лист из томика Ленина. Бумага свернулась, буквы почернели, и мир слегка дрогнул.

Алексей вновь оказался в виртуальной версии реальности — той, где на него никто не обращал внимания.

Его отряд в этот раз полностью состоял из коммунистов, деятелей ЦК. Они выстроились в локальной зоне и зашагали на вывод. Алексей вышел в тапочках, но никто не сделал ему замечания, никто даже не скользнул по нему взглядом.

Пройдя мимо своего обычного места в строю, он увидел...

Себя.

Точнее — почти себя.

То же тело, та же осанка, но лицо было лицом молодого Ельцина. Разница казалась незначительной, но увидеть собственное отражение, занимающее твоё место в мире, оказалось неожиданно тяжело.

Это и был двойник. Отражение роли.

Алексей машинально зажал нос, как перед чиханием, и реальность тут же щёлкнула, словно выключили питание. Мир вернулся к прежнему виду — без искажений, без двойников. Всё было на месте. Он не ударился, не потерял сознание.

Теперь он знал: так можно отказаться от выхода на работу, оставить отражение вместо себя и остаться в отряде, чтобы заниматься своими делами.

Он вернулся обратно. Остальные ушли на работу.

В отряде остались лишь дневальные — привилегированный класс, чья дневная рутина не была отягощена монотонным трудом. Алексей с удивлением узнал в них американских политиков: Буша, Клинтона и Кеннеди. Они молча протирали поверхности, словно выполняли давно проигранную партию.

Алексей Анатольевич направился в кантёрку, к своему баулу. Он вытащил оттуда пачку писем и открыток, накопившихся за полтора года заточения.

Он чувствовал: это не просто корреспонденция.

Это — архив.

Алексей взял одну из любимых открыток с котом на обложке, большим толстым рыжим котом, открыл её и увидел, что тут, поверх обычного текста, золотой нитью, как бы в воздухе, висит другой текст.

Магическая система: основы навальной магии

Навальная магия не работала напрямую с материей — она работает с вниманием.

Мир подчинялся не силе, а взгляду: пока на тебя

смотрят — ты существуешь полностью; когда о тебе забывают — ты можешь делать невозможное.

Основы системы:

Игнор как энергия

Чем меньше на мага обращают внимание, тем сильнее его влияние на реальность. Толпы, охрана, начальство — всё это источники силы, если они тебя не замечают.

Бумажные якоря

Заклинания хранятся в текстах: открытках, письмах, листовках, книгах. Бумага фиксирует смысл, а смысл — реальность. Сжигание, разрывание или перечитывание активирует разные эффекты.

Отражения (двойники)

Каждый двойник — это не копия тела, а копия роли. Он занимает твоё место в системе взглядов мира: в строю, в списке, в отчёте. Делает то, чего от него ожидает общественное мнение. Строго говоря, ты становишься болванчиком, неигровым персонажем. Пока отражение действует, оригинал свободен.

Жест отказа

Любое заклинание можно прервать простым телесным действием — например, зажав нос и задержав дыхание. Или чихнув/пукнув. Это символ добровольного выхода из навязанной реальности.

Цена

Цена магии — не боль, а усталость смысла. Чем чаще

Алексей использует заклинания, тем сильнее стирается грань между тем, кто он есть, и тем, кем его считают. Если пользоваться ею слишком часто, то придётся жить в стереотипе и быть этим стереотипом.

Алексей достал письма, в которых ранее были слова поддержки, но в этот раз там были другие тексты.

Заклинания навальной магии

1. «Коллективное сознание»

Эффект:

В радиусе действия все начинают мыслить как единое большинство. Личное мнение ощущается как идеологическая диверсия.

Активация:

Прочитать вслух резолюцию партийного съезда, пропуская каждое третье слово, но одобрительно кивая.

Цена:

Ты сам некоторое время боишься думать в единственном числе.

2. «Человек из отчёта»

Эффект:

Ты существуешь только как статистическая единица. Физически жив, но официально — «учтён».

Активация:

Переписать любой документ, заменив действия

формулировками «проведена работа» и «приняты меры».

Цена:

Даже твои мысли начинают требовать утверждения в трёх инстанциях.

3. «Телевизионный сон»

Эффект:

Люди рядом впадают в состояние пассивного наблюдения: смотрят, но не видят; слушают, но не слышат смысла.

Активация:

Смотреть в одну точку ровно семь минут, не моргая.

Цена:

После пробуждения от эффекта ты теряешь чувство времени.

4. «Пятилетка за три дня»

Эффект:

Любое мелкое достижение ощущается как исторический прорыв социализма.

Активация:

Записать результат действия на бумаге и назвать его «перевыполнением плана».

Цена:

Чем чаще используется, тем труднее почувствовать радость от реальных побед.

5. «Вредитель»

Эффект:

Ответственность за провал мгновенно находит удобную фигуру: врага, саботажника или внешнее влияние.

Активация:

Задать вопрос «Кто виноват?» и не дать ответить.

Цена:

Однажды вредителем назначают тебя — без объяснений.

6. «Портрет на стене»

Эффект:

Создаёт не живого двойника, а образ. Он улыбается с плаката, смотрит строго и всегда прав.

Активация:

Сжечь личное письмо и заменить его официальной биографией.

Цена:

Образ живёт дольше человека и начинает говорить от его имени.

7. «Повторение пройденного»

Эффект:

События начинают развиваться по знакомому советскому сценарию: сначала героизм, потом дефицит, потом молчание.

Активация:

Произнести: «Такого у нас уже не будет» — и тут же добавить «но это другое».

Цена:

Финал всегда объявляется неожиданным, хотя всем знаком.

8. «Одобрительные аплодисменты»

Эффект:

Массовое согласие возникает автоматически. Даже те, кто молчит, считаются поддерживающими.

Активация:

Начать хлопать первым.

Цена:

Остановиться можно только вместе со всеми.

9. «Правильная линия партии»

Эффект:

Истина меняется, но всегда остаётся единственno верной — задним числом.

Активация:

Повторить один лозунг три раза: как истину, как сомнение и как приказ.

Цена:

Ты теряешь ориентир, где заканчивается вера и начинается страх.

10. «Архив КГБ»

Эффект:

Любой текст может исчезнуть на десятилетия и вернуться тогда, когда станет неудобным.

Активация:

Написать письмо, спрятать его и официально заявить, что его никогда не существовало.

Цена:

Когда оно всплынет, оправдываться будет уже некому.

Действительность начинала походить на сказку, видеоигру или психоз, в зависимости от предпочтений, а происходящее в голове Алексея начинало напоминать безумный азиатский салат из несочетаемых ингредиентов: политической реальности современной России, идеалов монархической России, драконов и открытия навальней магии. Необходимо было вводить какую-то систему управления временем, систему менеджмента, и тут до Алексея дошло, что то, чему учили их в Yale World Fellows, как раз этим и было — системой менеджмента, выставления приоритетов и достижения целей. Системой личной эффективности.

Алексей вернулся к своему спальному месту, к прикроватной тумбочке и достал оттуда тетрадку, в которой приоритеты и задачи были описаны подобно экрану статистики в видеоигре. В самом деле, когда реальность становится нереальной, самое разумное —

это применить к ней механики из какой-нибудь ролевой игры.

Алексей перевернул тетрадь на чистый лист и вверху написал:

ЗАДАЧИ

РОССИЯ

- Создание прекрасной России будущего
 - | - Установление Драконьей Монархии
 - | - Спасение политических заключённых

ИК-2

- Улететь на драконе
 - | - Вырастить Баландариона, чтобы можно было на нём летать
- Поиск сторонников
 - | - Создание кружка драконавальнистов
- Реформы условий труда и жизни
 - | - Доставка мяса в колонию

Алексей встал с кровати и стал ходить туда-сюда по комнате, обдумывая текущее состояние. Кажется, стоит дописать, что стулья в швейном цеху ни к чёрту, и их стоит заменить. Возможно, создать профсоюз, как

ещё одну организацию, в этот раз не тайную, для улучшения условий труда.

- Создать профсоюз швейного производства
 - | - Заменить стулья

Перевернув лист с тыльной стороны предыдущего, Алексей написал:

ДРАКОНЫ

Баландарион

- Вес 30 кг
- Еда (30 буханок хлеба в день / 2 кг пороссятины в неделю)
- Аффилиация: Либеральная Россия

Трудандарион

- Вес ?
- Еда ?
- Аффилиация: Советский Социализм / Труда

НАВАЛЬНАЯ МАГИЯ

- Диалектическая реальность
- Коллективное сознание
- Человек из отчёта
- Экран Центрального телевидения

- Пятилетка за три дня
- Вредитель
- Портрет на стене
- Повторение пройденного
- Одобрительные аплодисменты
- Правильная линия партии
- Архив КГБ

Возле каждого он оставил место, чтобы отмечать звёздочками количество раз, которое он будет его использовать. Это как считать печеньки, подумал он.

Начать Алексей решил с того, что он может в отряде, без контакта с другими людьми, и с того, на что сейчас наиболее рационально потратить время: на написание иска в Владимирский районный суд на администрацию колонии с целью разрешить ему создать профсоюз и обязать администрацию поменять стулья, так как они не отвечали нормам условий труда. Конечно, это повлияет на отношение администрации к нему, они будут жёстче его наказывать, установят надзор и сделают жизнь более невыносимой, но в политике популярность стоит дорого.

За время до обеда Алексей, как опытный юрист, написал иск, но выходить из отряда он не рискнул — возможно, навальная магия не работала вне отряда, да и Баландариона он давно не навещал. Алексей зажал

нос и сильно подул, так что надулись щёки и потемнело в глазах, и дневальные в отряде превратились из американских политиков в обычных дневальных.

Они сразу же обратили на него внимание:

— Ты что тут делаешь? Почему не на работе?

Зазвонил телефон в коридоре отряда.

— Алексей Навальный? В оперчасть!

Это означало, что его сдали. Кто-то доложил, что его нет на рабочем месте, и значит, менты хотят от него объяснений или выписать ему взыскание, акт.

Алексей Анатольевич оделся, вышел из отряда, прошёл к двери локальной зоны и нажал на кнопку диспетчерской.

— Осуждённый Навальный. Двигаюсь в дежурную часть.

Дверь открылась, и Алексей вышел в локальную зону отряда. Обычно требовалось сопровождение сотрудника, но в этот раз ему ничего не сказали.

В начале марта ещё лежал снег, и температура воздуха колебалась от минус пяти ночью до плюс трёх днём. При плюс пяти весна начинала чувствоватьсь, но пока ещё зима сохраняла контроль над погодой и, как казалось, внутренним миром заключённых. Алексей проследовал по внутренней площади колонии, и каждый шаг по лёгкому слою снега,

смешанному со льдом, резонировал с нервной системой Алексея — казалось, тревожность ощущалась пульсацией вен на шее.

Подойдя к локальной зоне оперчасти, которая находилась на втором этаже проходной в промышленную зону, Алексей Анатольевич нажал на кнопку двери, и дверь открылась. Баландарион, вероятно, обитал на промышленной зоне, но почувствовал, что его хозяин в стрессе, и выбрался из убежища. Открыв дверь локальной зоны, Алексей почувствовал что-то на краю сознания, как будто то второе зрение, отдельное от его основного. Он понял, что видит то, что видит Баландарион, и его сознание сплетается с сознанием дракона.

Внутренний голос подсказал Алексею:

— Прокладоон, понимаешь. Народ России, надо перевести внимание.

Алексей понял в этот момент, что надо что-то поджечь, и дракон Баландарион, как одно целое с Алексеем Анатольевичем, взмахнув крыльями, поднялся в воздух. Он пролетел в безопасном пространстве между драконьей ложей и цехом деревообработки и, сделав круг, приземлился около свала деревьев. Выдохнув пламя, которое не сразу перекинулось на деревья, он стремительно ретировался. Пламя неспешно разгорелось.

Когда Алексей Анатольевич поднялся в кабинет оперативной части, у безопасника колонии появилось более важное дело, нежели выяснить пропажу Алексея из промышленной зоны и его появление в жилой, и он, отмахнувшись от Алексея, направился в сторону возгорания, проконвоировав спешно Алексея до промышленной зоны.

В воздухе стоял слабый запах горящего дерева. Алексей Анатольевич почувствовал угрызения совести, но всё-таки остался без взыскания со стороны администрации колонии. Он прошёл на своё место и уселся за машинку. Коробка справа от его стола была наполовину заполнена продукцией, которую он шил. Хм, подумал Алексей. Мой, хм, допельгангер работает за меня. Это весьма удобно...

По радио послышались новости шоу-бизнеса. В них говорилось о том, что певица Асти записала новую песню, которая скрашивала пребывание Алексея Анатольевича в ШИЗО. Алексей вспомнил о прочитанном утром ритуале «Одобрительные аплодисменты» и начал хлопать, встав из-за машинки. К его удивлению, один за одним работники швейного цеха стали вставать и хлопать. Началась массовая овация, которая, продлившись 10 секунд, и не думала прекращаться. Алексей Анатольевич начал испытывать неловкость, но и остановиться не мог.

Овации подошли к отметке длительности 3 минут, когда в швейный цех зашёл начальник производства и с ошеломлённым видом крикнул:

— Вы с ума сошли?! Прекратить! — крикнул он и выключил радио.

Только после этого овации прекратились, и ошеломлённые не менее начальника цеха коллеги Алексея стали оглядываться и переглядываться, словно не понимая того, что только что произошло. Недоумение сменилось ошеломлением и молчанием, которое у многих вызвало желание закурить, но исчезновение и появление Алексея не вызвало ни у кого вопросов — все как будто бы забыли про него.

Во время обеда Алексей решил не рисковать и не собирать драконью планёрку, потому как возгорание на промышленной зоне и овации непременно всплынут на планёрке сотрудников колонии, вероятно, с повышенным вниманием к ситуации в отряде.

На обед давали рыбный суп, сосиску и хлеб. Еда была нормальной — без голов, костей и опарышей, — но порции находились на границе достаточности. Хватало, чтобы работать. Не хватало, чтобы думать.

Остаток трудового дня Алексей провёл в привычном ритме, при стуке иглы швейной машины, но без музыки, которую отключили из-за аплодисментов. Периодически заключённых

вызывали для получения передач или для разговора с оперативниками о причинах протеста, как им показалось. Алексей этого не знал, но догадывался, что логические цепочки ведут к нему — к единственному заключённому, способному организовать бунт, и к нему будет повышенное внимание, несмотря на чистое алиби.

Повышенное внимание он ощутил, проходя через КП в жилую часть, когда оперативник тщательнее обычного прощупал его и внимательно посмотрел Алексею Викторовичу в глаза, впрочем, не задав вопросов.

Погода, казалось, резонировала с ощущением напряжённости, которое Алексей Викторович ощущал всё сильнее. Два ЧП за день в ИК-2 было необычным, где режимные мероприятия вводили даже из-за меньших инцидентов. Алексей Викторович когда-то посмотрел лекцию по информационной безопасности, инцидентам и реагированию на них, которую вёл ныне обвиняемый в государственной измене Илья Скачков.

Тогда он произвёл на него впечатление гражданина царской России, и сейчас Алексей почему-то понял, словно по какому-то наитию, что это может быть новый коллега в его миссии установления монархии в прекрасной монаршей драконьей России будущего. И специалист по информационной безопасности в

режиме, где главный секрет — это дракон, необходим. Каким-то образом цепочка из двух инцидентов в колонии, которые без сомнения прошедшие серьёзную подготовку безопасники колонии будут расследовать, навели его на нужную волну, игнорирование которой грозило халатностью. «Халаты, — подумал Алексей Викторович, — носят в бане и в эмиратах, а Алексей Викторович хотел ходить в хорошем костюме».

Дойдя до отряда, опасения Алексея Викторовича подтвердились — оперативник стоял у его тумбочки, содержимое которой было вывалено на кровать. Оперативник молча листал тетрадь Алексея Викторовича, затем забрал ее, сказав что содержимое тумбочки не соответствует ПВР. В тумбочке было печенье, а нахождение в них пищевых продуктов было запрещено.

Тетрать у Алексея Викторовича изъяли, чему Алексей пытался возразить, использовать какой-нибудь ритуал из прочитанного утром, но тут же вспомнил, что ничего из этого не работает, когда на него обратили внимание. Хорошо, что описания “заклинаний” Алексей не выписал, лишь названия, это вызвало бы много вопросов. Навальная магия не работала, когда на Алексея обратили внимание, “спалили”. Игнор закончился. Начались вопросы.

ГЛАВА 8 ШИЗО 2

Проснувшись утром, Алексей Викторович повторил свою обычную рутину: почистил зубы, вышел на зарядку, прогнал остатки сна и, закончив её, пошёл в каптёрку — комнату хранения личных вещей с баулами. Там он обнаружил, что из его сумки исчезли письма, из которых он накануне узнал о навальной магии.

Алексей Викторович воспринял это как очередной удар под дых — подножку, капкан. Реальность ФСИН давно приучила его к тому, что за любым подъёмом настроения или хорошей новостью обязательно следует нечто, что опустит его обратно — а иногда и ниже прежнего. Как если бы ты выиграл в лотерею, но

тут же потерял билет. Такие эмоциональные качели сопровождали Алексея на протяжении всего заключения. Вероятно, если долго подвергаться подобным каруселям, можно действительно превратиться в настоящего зэка — гражданина республики ГУЛАГ.

Загружать в себя политические мысли с самого утра ему не хотелось. Он воспринял исчезновение писем как факт, с которым стоит разобраться позже. Достав из баула пакетик «Нескафе Классик», Алексей Викторович пошёл на «кишку» и заварил кофе.

Голос Бориса Николаевича начал что-то рассказывать о демократии и реформах, но Алексей сознательно переключился на более приземлённое — реформу швейного цеха и замену стульев. К счастью, исковое заявление во Владимирский районный суд осталось нетронутым. Алексей убрал его в конверт, наклеил марку и заклеил край.

Он вышел на построение на промышленную зону, где находился почтовый ящик для отправки писем, и опустил туда обращение. Формально, согласно правилам ФСИН, иски и жалобы в официальные органы должны были проходить мимо цензуры. На практике же обращение в суд на саму систему, находясь в колонии, нередко заканчивалось очередным помещением в ШИЗО. Алексей рискнул.

Проходя через КПП дежурной части, он услышал:

— Вас вызывают на комиссию.

Алексей проследовал на первый этаж «Белого дома» — отдельно стоящего корпуса штрафного изолятора. Комиссия, вопреки обычным правилам, собиравшаяся по вторникам и четвергам в десять утра, в этот раз была созвана в понедельник в шесть. Присутствовало всего несколько человек, без начальника колонии.

На столе лежала тетрадь Алексея Викторовича. Однако формулировка нарушения звучала иначе: якобы у него была не застёгнута верхняя пуговица. Обвинения произносились без объяснений, лица сотрудников оставались пустыми. Железным голосом, отскакивающим от стен, прозвучало:

— Пятнадцать суток.

Алексея сопроводили в холодную камеру штрафного изолятора, где в этот раз ему предстояло находиться в одиночестве. Строгое, молчаливое следование протоколу раскололо вчерашнюю магию и сделало её невозможной. Даже мыслить в эту сторону стало трудно — словно оковами сковали не только тело, но и сам мозг.

Бюрократически безупречно, с соблюдением каждой запятой закона, но по фиктивному нарушению

Алексея Викторовича упрытали в тюрьму внутри тюрьмы.

Путь от порога штрафного изолятора до камеры сопровождался тактильными ощущениями: щелчками замков, глухими ударами дверей. Холод ощущался особенно ясно, голод отзывался в кончиках пальцев и коленях, а время растягивалось и замедлялось. Скользящий взгляд цеплялся за предметы, которые тут же ассоциировались с чем-то тревожным. Психическое состояние Алексея становилось строже, острее, мрачнее.

Свет, ещё утром казавшийся ярким, стал приглушённым. Тени потемнели, очертания предметов вдалеке расплывались. Казалось, он находится во сне или кошмаре — плывёт в грязном омуте, где лучи надежды поглощаются самим пространством. Было неясно, диктует ли помещение его внутреннее состояние или, наоборот, его настроение отражается в окружающем мире.

Небольшое окно под потолком днём служило источником света, ночью же включалась лампа. Свет казался враждебным, слепящим, словно пелена на глазах, искажающей действительность. Единственным временем относительного покоя был короткий промежуток между пробуждением и рассветом. Алексей ловил это состояние не в мыслях, а в

пространстве камеры, как в странной практике фэншуй.

В одиночестве время перестало быть понятным. Оно утратило течение и превратилось в нечто статичное. Если раньше можно было ориентироваться по песням из динамиков, то теперь оставались лишь тишина, шумы в коридоре и щелчки замков.

Алексей стал ходить по камере и считать шаги. Через некоторое время внимание переключалось на дыхание. Сосредоточенность на нём, вкупе с холодом и отсутствием мыслей, рождала чувство обречённости, которое, впрочем, из-за голода осмыслить не удавалось. Желудок тянуло, а руки казались будто-бы ватными.

Считая шаги до обеда — единственного события, способного дать энергию для размышлений, — Алексей начал улавливать отголоски голоса Бориса Николаевича Ельцина. Они доносились будто бы из раковины, с улицы, из-под пола. Обрывки слов — «демократия», «реформы», «Америка» — знакомые интонации резонировали в сознании.

ШИЗО — место для интроспекции. Но внутренняя жвачка из политики и мистики, лишённая внешнего подтверждения, приводила лишь к самоедству и ментальному разложению. Алексей сознательно остановил внутренний диалог и продолжил считать

шаги, вслушиваясь в звуки коридора. Здесь всегда кто-то есть, думал он, но слышал лишь капли, шумы и щелчки. Ни одного отчётливого голоса — только ельцинские интонации на краю сознания.

На обед дали кисель, рыбный суп и капусту. Пища сначала придала сил, а затем вогнала в сонливость, в которой память начинала вытаскивать всё самое тяжёлое. Алексей вспомнил звёздочки и символы в тетради, драконьи планы, аккуратно выписанные столбиком.

Ничто из вчерашнего здесь не работало. Казалось, что этих событий вообще не было, что они принадлежат чужой, давно забытой памяти. Его начали одолевать сомнения: возможно, магии не существовало вовсе.

После обеда дверь камеры открылась. Вошёл человек в белом халате, которого Алексей прежде не видел. Он представился психологом колонии и сказал, что хочет задать несколько вопросов.

Голос его по ритму напоминал тот самый внутренний голос. Вопросы были простыми, почти бытовыми. Алексей отвечал на них спокойно и логично, но у него было ощущение, что говорит не он — будто слова произносились где-то рядом, а он лишь слушал, осознание его ответов на вопросы приходило

спустя секунды, как будто бы с задержкой, как будто бы кто то говорил за него.

Психолог кивал, делал пометки и не выражал никаких эмоций.

Когда дверь снова закрылась, Алексей остался один.

Тишина не была пустой — она была плотной, как вата, набитая в уши. Он прислушался и понял, что слышит слишком много: собственное дыхание, кровь в висках, микроскопическое потрескивание лампы. Звуки не мешали друг другу — они существовали одновременно, как если бы каждый требовал отдельного внимания.

Алексей попытался восстановить в голове последовательность событий: утро, каптёрка, комиссия, камера, разговор. Всё выглядело логично, но между пунктами оставались зазоры, которые невозможно было заполнить. Он знал, что что-то в этой цепочке было лишним. Или, наоборот, чего-то не хватало.

Он подумал о том, что психолог, возможно, вообще не приходил. Эта мысль возникла спокойно, без тревоги, как одна из рабочих гипотез. Если допустить, что визита не было, то и странность голоса объяснялась проще. Но если визит был, тогда странным становилось всё остальное.

Алексей посмотрел на свои руки. Они лежали на коленях правильно, симметрично, как на картинке в учебнике. Он пошевелил пальцами — движение произошло без задержки. Тело подчинялось. Это немного успокаивало. Пока тело слушается, можно считать, что контроль не утрачен полностью.

Но мысль о контроле тут же показалась подозрительной. Кто именно должен контролировать? Он сам? Или тот, кто за него думает?

В какой-то момент Алексей заметил, что прислушивается не к звукам камеры, а к паузам между ними. В этих паузах словно что-то сдвигалось, едва заметно, как мебель в соседней комнате. Он знал, что в камере никого нет, но знание больше не означало уверенности.

Он попробовал вспомнить лицо психолога — и не смог. Остался только голос, ритм фраз, паузы. Это было неприятно: обычно лица стираются позже, а голоса — первыми. Здесь всё происходило наоборот.

«Если это болезнь, — подумал Алексей, — то она слишком аккуратная».

Она не ломала речь, не путала слова, не заставляла верить в откровенную чепуху. Она просто встраивалась в мышление, как обновление системы, меняя не содержание, а интерфейс.

Ему вдруг показалось, что камера — это не место, а проверка. Что его оставили здесь не для наказания, а чтобы посмотреть, что он будет делать без зрителей. Без взглядов. Без отражений.

Эта мысль задела что-то важное. Если навальная магия действительно работала через внимание, то ШИЗО было идеальным контрзаклинанием. Полным отсутствием внешнего подтверждения существования.

Алексей поймал себя на том, что ждёт — не шагов, не обеда, не света, — а реакции. Любой. Даже отрицательной. Но ничего не происходило.

Тогда он впервые подумал, что, возможно, голос — это не вторжение, а остаток. Последняя форма связи с миром, где он ещё был кем-то, а не просто телом в камере. И если этот голос исчезнет, исчезнет и он сам — не физически, а как субъект.

Мысль была пугающей, но в ней не было паники. Только сухой интерес, как у человека, наблюдающего за собственным экспериментом.

Алексей сел ровнее и попытался вспомнить своё имя. Оно вспомнилось сразу, без усилия. Это было хорошим знаком. Но вслед за именем всплыло ощущение, что имя — это ярлык, приклейенный снаружи. Его можно снять. Или заменить.

Он перестал считать шаги.

Перестал следить за дыханием.

Перестал ждать.

Свет продолжал гореть.

Камера не менялась.

И в этом неподвижном, идеально рациональном пространстве впервые возникло по-настоящему страшное подозрение:

возможно, ничего не сломалось —
возможно, так всё и должно работать.

Алексей закрыл глаза не для сна, а чтобы проверить, останется ли он существовать без наблюдения.

Ответа не последовало.

ГЛАВА 9 БЮРОКРАТИЯ

Начальнику ФКУ ИК-2 УФСИН России
по Владимирской области
полковнику внутренней службы

[]

от заместителя начальника по БОР
майора внутренней службы

[]

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Сообщаю Вам, что за прошедшие пять месяцев
содержания осуждённого Н. в учреждении были
проведены следующие мероприятия воспитательного
и профилактического характера.

При помещении осуждённого Н. в карантинное отделение с ним проводилась психологическая коррекция с целью его изоляции от основной массы осуждённых. Были реализованы мероприятия, направленные на формирование у других осуждённых психологической неприязни к осуждённому Н.

По итогам пребывания осуждённого Н. в карантинном отделении установлено, что близких контактов он не завёл, устойчивых социальных связей не сформировал. Любые попытки общения пресекались. Допускались исключительно краткие бытовые диалоги. Уровень психоэмоционального напряжения осуждённого Н. оставался стабильно высоким, однако признаков полной психологической дезадаптации выявлено не было.

После перевода осуждённого Н. в швейный отряд ему была выдана передача массой около 20 кг, содержащая продукты повышенной ценности. Установлено, что скорость расходования указанных продуктов превышала средние показатели по отряду. При этом фактами передачи продуктов другим осуждённым он не делился.

Согласно данным медицинской части, масса тела осуждённого Н. в период содержания не увеличивалась, а напротив — снизилась с 89 кг при этапировании до 84 кг на момент осмотра.

Осуждённый Н. проявляет повышенный интерес к дореволюционной классической литературе. Силами администрации был установлен режим, при котором любые разговоры осуждённого Н. на политические темы систематически пресекались.

XX марта при выводе на работу осуждённый Н. опустил в почтовый ящик письмо с исковым заявлением в адрес администрации учреждения, касающееся условий труда в швейном цеху. Указанный факт свидетельствует о сохраняющемся негативном отношении осуждённого Н. к администрации учреждения и нежелании следовать линии исправления.

При осмотре личных вещей осуждённого Н. была обнаружена тетрадь, в которой почерком осуждённого изложены планы, содержащие рассуждения о восстановлении монархии, а также многочисленные упоминания так называемых «драконов».

Считаю данные записи следствием нарастающего психологического срыва осуждённого Н., либо возможными признаками психической неадекватности.

Отдельные формулировки и символика, содержащиеся в тетради, ранее уже фиксировались в материалах, поступавших по линии ____.

В связи с изложенным полагаю необходимым:

- усилить меры воспитательного и дисциплинарного воздействия;
- рассмотреть целесообразность проведения судебно-психиатрической экспертизы;
- по результатам экспертизы решить вопрос о возможном признании осуждённого Н. невменяемым и направлении его в специализированное медицинское учреждение.

Майор внутренней службы

[]

(подпись)

(дата)

* * *

Его Императорскому Величеству
Государю Императору
Самодержцу Всероссийскому
От Штабс-Ротмистра
Отдельного Корпуса Жандармов
Чиновника Особых Поручений
при Департаменте Полиции
[]

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ДОНЕСЕНИЕ

Осмеливаюсь с глубочайшим благоговением довести до Высочайшего сведения, что гражданин Пост-Советской России, Навальный Алексей Анатольевич, был ознакомлен с тайной драконов и дарован яйцом дракона Баландриона.

Означенный Навальный, как тайный сотрудник Охранного Ведомства Царской России, был введен в курс тайной истории мировой монархии и завербован Отделом Особых Поручений Департамента Полиции Российской Империи.

После преследования Навального и отравления его нашими конкурентами из Пост-Советской России, он был помещен в политическую тюрьму, где мы начали открывать для него и другие секретные сведения, способствующие монаршей контр-революции.

Имею честь сообщить, что дракон Баландрион вырос до пятидесяти килограммов. Навальному была создана тайная ложа, в которую он завербовал трех человек из числа заключенных.

[] марта сего года сотрудником политической полиции Пост-Советской России были найдены записи гражданина Навального, в которых фигурировали драконы. Сии записи были переданы штатному психиатру тюрьмы, который настоял на изоляции

гражданина Навального в штрафном изоляторе и проведении психиатрической экспертизы.

Долгом считаю отметить, что факт обнаружения живого дракона остался не выданным Навальным, несмотря на угрозу признания его невменяемым.

Считаем целесообразным:

Во-первых, прекращение всех контактов с гражданином Навальным на время прохождения им психиатрической экспертизы.

Во-вторых, в случае провала означенной экспертизы и угрозы раскрытия дела — отзыв дракона из тюрьмы и сокрытие всех следов нашей деятельности.

В-третьи, внедрение тайных агентов в персонал сотрудников колонии ИК-2.

Дата: [число] [месяц] [год] года

Санкт-Петербург

[Подпись]

[Печать Департамента Полиции]

К делу № [_____]

Хранить в особом архиве

* * *

Начальнику Главного Управления
Государственной Безопасности НКВД
товарищу [Фамилия И.О.]

От: Оперуполномоченного Особого Отдела
старшего лейтенанта государственной безопасности
[Фамилия И.О.]

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Доводим до Вашего сведения, что заключенный **НАВАЛЬНЫЙ Алексей Анатольевич**, осуществлявший контрреволюционную деятельность в Пост-Советской России, подвергся идеологической обработке со стороны агентуры царского режима.

Идеологическое содержание взглядов **НАВАЛЬНОГО А.А.** является враждебным советской власти. Установлено, что царский режим продолжает политическую обработку означенного заключенного в духе монархизма, великодержавного шовинизма и антикоммунизма.

НАВАЛЬНОМУ А.А. была открыта секретная информация о существовании так называемых “драконов” — мистических существ, использовавшихся царским режимом для подавления революционного движения. Данные существа прекратили сотрудничество с советской властью в тридцатые годы и были признаны явлением, несовместимым с

принципами социалистического реализма и научного материализма.

Оперативно-чекистскими мероприятиями установлено прохождение НАВАЛЬНЫМ А.А. специальной подготовки в американской политической школе “Йель”, где изучаются враждебные марксизму-ленинизму буржуазные доктрины идеологической диверсии и психологической войны против СССР.

Учитывая, что НАВАЛЬНЫЙ А.А. уже содержится в исправительно-трудовом лагере, считаем необходимым:

Организовать политко-воспитательную работу по идеологической перековке заключенного силами политотдела лагеря.

Осуществить внедрение проверенных сотрудников органов госбезопасности в состав заключенных ИК-2 для оперативного наблюдения и пресечения враждебной деятельности.

Установить особый режим содержания с изоляцией от других заключенных.

Регулярно докладывать о результатах агентурно-оперативной работы.

«_» ____ 193 г.

ИТЛ [название], [область]

[Подпись]

М.П.

Разослано:

Начальнику ГУГБ НКВД — экз. № 1

Начальнику ГУЛАГа НКВД — экз. № 2

В дело № _____ — экз. № 3

САГА О МИДГАРДЕ РУСИ И ДРАКОНАХ ЭПОХ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

О Многих Мирах и Змее Горыныче

В начале времен
Мир Русь-Мидгард был не един
Тогда города, племена
Не знали есть одна истина

Каждое племя жило по себе,
Знало лишь свой закон и свой суд,
Их правда менялась всегда,
Как реки меняют свой путь.

Но люди устали
От вечной вражды,
Призвали варягов
Из похожей страны
Тогда пришёл Рюрик —
Не бог, не кумир,
Но закон его крепче
Чем меч или мир.

Когда Рюрик пришёл, тогда вместе с ним
Из Нифльхейма себя миру явил
Дракон Змей Горыныч
Зашитник Руси, он ложь победил.

* * *

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О Крещении и Сокрытии Тайны

Но мир не любит
Чудес на виду.

Князь Владимир

Принял иную звезду,
Крестом осенил
Берега и поля,
И смолкла старая
Драконья молва.

Не убиты —

А спрятаны вглубь,
Под храм и летопись,
Под песню и грусть.

С тех пор о драконах

Говорят как о снах,
А Змей Горыныч
Остался лишь в сагах

* * *

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

О Первом Расколе и Нашествии Хельхейма

Из Хельхейма чёрного
Вздыбился дым —

Пришло нашествие
Чуждых глубин.

Монголы —
Вестники тьмы,
Огонь преисподней
Несли за щиты.

В тот век Мидгард треснул в ночи,
Змей Горыныч в Монголии пал,
На Древнюю Русь ворог мрака нагнал
И началась скута в тени.

Долгой скутой тянулись года,
Тогда Один-Ельцин вмешался в дела,
Расщепил он Мидгард на два,
По Биврёсту увёл он в новый мир Русь навсегда.

* * *

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

О Короне и Европейских Прениях

Пришли Романовы — новая стать,
Бояре решили их царями избрать,
Ведь первый Романов имел при себе
Дракона Бояндариона снова змея опять

Настала эпоха
Прений и трона:
С Европой спорили
О форме и чести,
О море, о флоте,
О праве и месте.

У Петра был дракон —
Евродандарион,
Что в окно прорубил
Сквозь старый заслон.

...

* * *

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

О Николае Втором и Интригах Хельхейма

Последний император
Взошёл в лихую пору —
Когда изменения шли, как дым,
И верность стала спором.

Не слаб он был и не слепец,
Но мир трещал по швам:

В Мидгарде зрели заговоры,
И тьма ползла к дворцам.

Из Хельхайма злодеи шли,
Плели слова, как сети,
И шёпот их, как тонкий яд,
Бродил в столичном свете.

Не меч сразил его, не бой,
А круг интриг и лжи:
Так пал Николай, последний царь,
Средь клятв и миражей.

И грянул вихрь — без труб, без врат,
Без знамён и без вины:
Восстало Красная волна,
Как пламя из глубины.

Тогда открыли Биврёст вниз —
Не к Асгарду, а в тьму,
И царский род увели
За грань, за смерть, в Хельхаймскую тюрьму.

И Мидгард треснул пополам
В тот роковой исход:
Стал Белым мир воспоминаний,
А Красным — новый ход.

Но в Красном Мидгарде Руси
Сожгли мосты дотла:
Все Биврёсты — в пепел, в дым,
Чтоб память не пришла.

И дракон ушёл из Красной земли,
Скрываясь в недрах лет,
Чтоб люди жили без крыла,
Не зная, был ли свет.

* * *

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

О Красном Мидгарде и Трудандарионе

Из разлома земли
Восстал без корон
Трудандарион —
Красный дракон.

Он жёг не тела —
Он жёг имена,
Стирал прошлый мир
До труда и плана.

И в Красной Руси
Сожгли Биврёст дотла,
Чтоб путь между мирами
Не знала молва.

Красная Русь без драконов жила,
Но рыночной экономикой
Была побеждена.

Горбачёв восстановил Биврёст,
Но тут же пропал
Экономический рост.

* * *

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

О Демократии и Падшем Отце

Тогда бог-отец,
Что звался **Один-Ельцин**,
Вернулся из Асгарда
В Красный Мидгард себя президентом явил.

Ельцин-Один любил демократию,
Реформу и загогулины,
Но в его правительстве
Постоянно менялись
Премьеры и меры.

* * *

ПРОРОЧЕСТВО

О Баландарионе

Однажды уйдёт Ельцин-Один от водки
И поставит того, кто придёт по наводке.
Мидгард Красный власть восстановит,
Коррупцию в Мидгард Белый нагонит.

Двадцать лет новая смута продлится,
Но Руси не суждено спиться.
Акционер миноритарный проснётся,
Проверками замучает тех, кому честно жить не
удаётся.

Народ за собой поведёт на Болоте,
Положит начало великой работе.
Неведомы тайны драконов ему,
Пока не поймёт, что тут к чему.

Отравят его, как некогда Олега,
В чужды страны улетит на лечение.
Откроются тайны ему о драконе,
Которого нарекут Баландарионом.

Посадят героя на Руси в темницу —
От его воли зависит, когда Мидгард воссоединится.

ГЛАВА 11. КРАСНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Красный дракон Трудандарион влетел в сборочный цех завода и приземлился на площадке со столом, там, где проходила планерка в начале смены. Алексей посмотрел на свои руки, как обычно бывает во сне, когда понимаешь, что это сон. На них были рабочие перчатки, а сам Алексей был одет в рабочую форму, а на груди был знак завода «АвтоВАЗ».

Во сне не сразу вспоминаешь контекст — кто ты и почему ты здесь, но в этот раз Алексей сразу понял, что он работник завода. Почему-то это дало ему чувство облегчения.

Трудандарион изменил своим появлением пространство завода, и из машинного зала с конвейерами зал превратился в подобие террариума с каким-то странным светом. Во сне, где всё и так нереально, дракон излучал какой-то свой свет, но не отбрасывал теней.

Алексей встретился с ним взглядом, а его коллеги как будто не замечали ящера.

— Коллеги, вчера наша линия выпустила 50 машин, что почти норма.

Начальница смены обладала ярким лицом и оставляла приятное впечатление. Почему-то, смотря на неё, хотелось улыбаться или смеяться.

— Сегодня план похожий, и нам предстоит собрать 55 автомобилей.

Слона в комнате, то есть дракона, никто не замечал.

Закончив планерку, все перешли к своим местам на конвейере. Обычно во сне всё кажется другим, неправильным и нелогичным, а тут всё было обычным, выверенным. Алексей подошёл к своему месту на стенде контроля качества. Откуда он знал, что это его место в конвейере и что за ним делать? Алексей как будто смотрел кино, только продукция сходит с конвейера, а руки сами знают, какую операцию выполнять. Алексею оставалось лишь осмысливать

происходящее под взором дракона, залетевшего в сборочный цех.

Монотонная работа, стук станков и гул завода оставляли ощущение работы в какой-то большой важной машине, в которой ты всего лишь винтик, но и соучастник процесса. Когда конвейер включается, чувствуется, что мертвая тишина оживает, завод как будто просыпается. Уходит чувство дремоты, и настроение становится сопряжённым с этим процессом.

Сначала Алексей Викторович просто наблюдал за своими руками, за драконом, потом ощущение сюрреалистичности разбавилось тем, что, остановив поток мыслей, его накрывало какое-то неприятное ощущение, как будто одуванчика в конечностях, какой-то вялости, да и взгляд замыливался.

Алексей поймал себя на мысли, что надо о чём-то думать. Осложнялось это тем, что он понятия не имел, какой сейчас год и какие события в мире происходят, и происходят ли вообще. Хорошо бы послушать подкаст, но плеера не было, значит надо было самому стать этим подкастом и о чём-то думать, пока завод гремит.

Алексей стал думать, а о чём же он может говорить у себя в голове, и тем было достаточно: политика, путешествия, драконы, магические системы, видеоигры и... драконы. Пока что достаточно. Если

выбрать какую-нибудь тему и начать общаться самим с собой у себя в голове, начать подкаст, то этого хватит на неделю. Можно, наверное, каждый эпизод пронумеровать и сделать это еженедельным упражнением. Это всего лишь сон, и, наверное, до этого не дойдёт.

Алексей посмотрел на дракона, и в голове прозвучал другой, рептилий голос, почему-то с коммунистическими нотками.

— Правильно мыслишь, Алексей. Ты на заводе. Главном сакральном месте социализма. И поговорим мы о труде. В эфире подкаст «Алексей и Трудандарион».

Алексей совсем не удивился происходящему, выполняя очередную операцию на конвейере, он отметил в журнале годность очередной машины «Лада».

— Я уважаю труд, но мой основной труд другой, — подумал Алексей. — Я юрист, расследователь, я представляю креативный класс, и мне казалось, что до завода не дойдёт.

— Верно, Алексей Викторович, но вот только в советском режиме на первом месте стоит рабочий, колхозник, человек труда. Юристы выходят из рабочих, и все мы начинаем свою трудовую деятельность с труда. С ударных студенческих строек, с

больших проектов, а потом поднимаемся по лестнице с указанием партии.

— Но я не в Советской России, даже наоборот. Советский народ был в истории наших родителей.

— Совсем не верно, Алексей. Понимаешь, советский режим никуда не делся. Тебе говорили, что он не гуманный, тебя подвергали вражескому идеологическому влиянию. Но советский режим самый справедливый, в нём нет классов, в нём нет войны, в нём все равны, все люди труда.

— Я помню эту пропаганду из школы, но также помню, что это было всего лишь словами.

— Алексей Викторович, вы скоро узнаете, что реальность может быть сконструирована, подобно киношному сценарию. Но в действительности сказка, которая была идеологической диверсией, закончилась, и у нас снова власть. Власть советская. В советском режиме все работают, и в советском режиме есть вредители. Вредители, как вы знаете, агенты коррупции, разрушают режим изнутри, морозят его, делают из него пародию.

— Давайте я вам покажу, к чему мы идём.

Голос дракона звучал всё убедительнее и убедительнее, замещая собственный внутренний диалог Алексея Викторовича.

Внезапно конвейер застыл. Не остановился с лязгом и скрежетом, а именно застыл, будто время решило взять паузу. Свет в цехе изменился — стал мягче, теплее, почти золотистым. И перед глазами Алексея начали проявляться образы, наслаиваясь на реальность завода, как двойная экспозиция в старом кино.

Он увидел тот же самый цех, но преображеный. Конвейер работал плавно, без рывков и сбоев. Рабочие двигались размеренно, без суеты — их лица были спокойными, даже радостными. Кто-то насыщивал мелодию, кто-то переговаривался с соседом, и эти разговоры не мешали работе, а казались её естественной частью.

— Видишь, Алексей? — прозвучал голос дракона. — Это завод без страха. Здесь никого не увольняют за невыполнение плана, потому что план составлен разумно, с учётом возможностей людей. Здесь не штрафуют за опоздание, потому что каждый понимает свою ответственность перед коллективом.

Картина сменилась. Теперь Алексей видел заводскую столовую — просторную, светлую, с большими окнами. За столами сидели рабочие, инженеры, начальник цеха — все вместе, без разделения. Еда на подносах выглядела аппетитно и разнообразно. Люди смеялись, делились новостями. В

углу молодой парень играл на гитаре, и несколько человек подпевали.

— Здесь нет голодных, — продолжал Трудандарион.
— Нет тех, кто экономит на обеде, чтобы хватило на коммунальные платежи. Каждый получает по труду, и этого достаточно для достойной жизни.

Следующая картина — заводской посёлок. Аккуратные пятиэтажки с зелёными дворами, детские площадки, где играют дети, спортивные площадки с турниками и столами для настольного тенниса. Молодая пара с коляской гуляет по аллее. Старики сидят на лавочке, играя в домино. Всё утопает в зелени — деревья, кустарники, цветочные клумбы.

— Каждый рабочий завода получает жильё, — объяснял дракон. — Не ипотеку на тридцать лет, не съёмную комнату в коммуналке. Настоящую квартиру. Потому что человек труда — основа государства, и государство заботится о нём.

Алексей увидел Дворец культуры — величественное здание с колоннами. Внутри работали кружки: хореографический, театральный, технический. В одном зале репетировал заводской хор, в другом проходила выставка картин рабочих-художников. В библиотеке люди брали книги — не учебники, а романы, сборники стихов, научно-популярные издания.

— Культура доступна всем, — голос дракона звучал торжественно. — Не за деньги, не по привилегии. По праву человека на развитие. Рабочий может быть поэтом. Токарь — художником. Сварщик — актёром. Социализм освобождает талант от необходимости зарабатывать на хлеб.

Картина снова сменилась. Заводоуправление. Большой зал, где проходит собрание. За столом президиума сидят не только директора и начальники, но и простые рабочие — избранные коллективом. Они обсуждают новые проекты, распределение премий, улучшение условий труда. Голосуют открыто, поднятием рук. Каждый имеет право высказаться.

— Это называется рабочий контроль, — пояснил Трудандарион. — Завод принадлежит не акционерам за океаном, не олигархам в столице. Он принадлежит тем, кто на нём работает. Решения принимаются коллективно. Прибыль делится справедливо.

Алексей увидел заводскую поликлинику — чистую, с современным оборудованием, приветливыми врачами. Рабочего с травмой руки не заставляли ждать часами в очереди, не отправляли по бесконечным кабинетам. Его сразу приняли, оказали помощь, дали больничный без бюрократических проволочек.

— Здоровье работника — это забота общества, — продолжал дракон. — Не товар, не услуга за деньги. Право каждого.

Затем Алексей увидел заводской детский сад и школу. Дети рабочих играли в современных группах с хорошими игрушками и заботливыми воспитателями. В школе учителя не ставили двойки за нищету или отсутствие связей, а помогали каждому раскрыть способности. Талантливый мальчик из семьи сборщика мог поступить в лучший институт страны — бесплатно, на полном обеспечении.

— Дети не выбирают, в какой семье родиться, — сказал Трудандарион. — Но каждый ребёнок имеет равные возможности. Социализм разрывает цепи классового неравенства.

Наконец, картина расширилась, показывая всю страну. Заводы работали слаженно, снабжая друг друга. Колхозы отправляли в города продукты. Города делились с деревней техникой, культурой, образованием. Везде строились новые дома, школы, больницы. Запускались космические корабли. Открывались театры. Издавались книги миллионными тиражами.

— Это и есть социализм, Алексей Викторович, — голос дракона звучал почти гипнотически. — Мир без эксплуатации. Без страха потерять работу, оставаться без

кровя, умереть без медицинской помощи. Мир, где каждый трудится по способностям и получает по труду. Где нет хозяев и рабов. Только товарищи. Только коллектив. Только общее дело.

Образы медленно растворялись, и Алексей снова увидел обычный цех, конвейер, свои руки в рабочих перчатках. Но что-то изменилось внутри — будто в душу закралась тёплая, обманчиво притягательная тоска по миру, которого, возможно, никогда и не было.

— Красиво, — тихо подумал Алексей. — Слишком красиво, чтобы быть правдой.

Но дракон молчал, лишь наблюдая своими древними глазами, как семя сомнения прорастает в сознании юриста.

— Алексей Викторович, — голос дракона стал тише, почти интимнее, — с сегодняшнего дня вы будете изучать социализм. Вы изберёте дорогу социалистического реализма. Вы прочтёте Ленина, Маркса, познакомитесь с жизнью революционеров. Поймёте, что справедливость возможна. — Дракон склонил голову, его глаза светились красным. — И тогда мы, возможно, закроем глаза на вашу прошлую антисоветскую деятельность. Дадим шанс исправиться. Стать товарищем, а не врагом народа.

Пауза.

— Выбор за вами, Алексей Викторович. Но выбирать придётся. Здесь, на заводе, нейтралитет не предусмотрен конструкцией.

Алексей проснулся. Снова ШИЗО, снова один. Но проснулся с чистой головой, до подъёма было ещё, наверное, несколько часов, а спать не хотелось. Алексей прошёлся по камере и стал обдумывать свой сон.